

БЕНТЛИ ЛИТТЛ

«ОН — НАСТОЯЩИЙ МАСТЕР УЖАСА»

СТИВЕН КИНГ

The Summoning

ПРИЗЫВ

В П Е Р В Ы Е Н А Р У С С К О М Я З Ы К Е

Бентли Литтл

Призыв

«ЭКСМО»

1993

Литтл Б.

Призыв / Б. Литтл — «Эксмо», 1993

Однажды пастору Уиллеру, возглавлявшему приход в маленьком городке Рио-Верди, затерявшемся в аризонской пустыне, явился сам Иисус Христос. Он вышел к нему во всем блеске Своей славы и сказал, что совсем скоро грядет Его второе пришествие. И будет Он пребывать в мире, среди людей, и наступит Его Царствие на Земле. А Уиллер, Его первый приближенный, построит здесь церковь, подобной которой еще не было, и Иисус станет жить в ней. Потрясенный пастор немедленно приступил к строительству и пламенным проповедям. Но ни он, ни его паства не знали, что под маской Христа к ним из самого сердца пустыни пришло Зло, более древнее, чем само время. И лишь одному человеку из городка ведомо имя этого Зла и то, как помешать ему установить на Земле царство ужаса...

© Литтл Б., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Бентли Литтл

Призыв

© Лисовский А.В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Моему деду, Ллойд Литтлу,
который поддерживал мою семью
и в радости, и в горе;
тому, кто, когда мне это было
очень нужно, выручил меня,
отдав мне свой «Додж» 74-го года —
это был мой первый надежный автомобиль.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо моим обычным помощникам: Доминику Абелю, Киту Нильсону, Ларри и Розанне Литтл, Джадсону и Кристе Литтл.

Спасибо Ричарду Леймону за такую нужную и ценную для меня поддержку.

Особая благодарность Вай Сау Ли, которая помогла мне с китайским языком, обычаями и традициями, а также семье Чу: Дэнни, Салине, Фанни, Хенни и Сюэзан, которые дали мне возможность заглянуть в жизнь китайских ресторанов.

Вот зыбкий образ – человек или тень,
Скорее тень, нет, образ, а не тень:
Аида мумия когда-нибудь —
Клубок осилит лишь тернистый путь:
Гортань суха, нет на губах дыхания,
Хвала слетает с бездыханных губ —
Сверхчеловек мне люб —
«Смерть-в-жизни, в смерти-жизнь»
ему название.

*Уильям Батлер Йейтс
«Византия»¹*

Иисус явился пастору Клэну Уиллеру во сне. Высокий, здоровый и сильный, в золотистом сиянии, он шагал по луговой траве и между деревьями, а Уиллер следовал за ним. Стоял день, ясный славный день, и солнце парило, теплое и белое, в высоком синем безоблачном небе.

¹ Пер. Я. Пробштейна.

Деревья и растения вокруг него были зелеными: ни пыли, ни грязи на этой яркой зелени, а трава под ногами – мягкая, шелковистая, слегка пружинящая. Свежий воздух звенел от птичьего пения.

Иисус обошел заросли невысоких кустиков манзаниты, и теперь Уиллер понял, где они находились. Он узнал пустующее зернохранилище и несколько передвижных домишек-трейлеров, стоявших рядом с шоссе 370 на северной стороне городка. Только... только это была теперь не пустыня. И трейлеры уже не выглядели такими обшарпанными, как обычно. В самом деле, каждый из них сверкал свежей краской, а вокруг них в жирной плодородной почве были посажены яркие цветы. И зернохранилище, по-прежнему пустующее, также выглядело обновленным и отремонтированным, как будто кто-то готовился в него въехать.

Двигаясь легко и грациозно, почти скользя над травой, Иисус поднялся по насыпи к шоссе и, ступив на него, пошел вперед по разделительной полосе. Уиллер последовал за Ним. Они миновали новую заправочную станцию «Тексако», потом огороженный недавно отремонтированным забором заброшенный загон для лошадей Уильямса, пока не достигли узкого прохода между пустующим зданием дирекции горнорудного предприятия и находившейся на вершине холма горной лабораторией.

Иисус остановился и повернулся к Уиллеру. Лицо Спасителя обрамляли прекрасные волосы, падавшие густыми кудрями Ему на плечи, а каштановая, с рыжеватым оттенком борода сверкала в солнечных лучах. Лицо Его выражало бесконечное терпение и понимание, и когда Он заговорил, в голосе Его, твердом и одновременно успокаивающем, прозвучала Истина.

– Клэн, – сказал Он, и Его голос был как музыка для ушей Уиллера, – я выбрал тебя для особой задачи.

Уиллер хотел ответить, хотел упасть на колени и, всхлипывая, пробормотать благодарности, но почувствовал, что не может двинуться, замороженный мощью, исходившей от Христа.

Иисус поднял руку и показал на землю вокруг себя.

– Здесь ты построишь Мою церковь.

Теперь Клэн Уиллер снова обрел голос.

– Какую церковь должен я построить?

Иисус ничего не сказал, но церковь немедленно предстала внутреннему взору Уиллера. В одно мгновение на него снизошло озарение, и он увидел церковь во всех деталях: ее размеры, материалы, из которых она будет построена, все предметы, находящиеся в ней. Это было потрясающее здание по масштабности его замысла, грандиозное свидетельство славы Господа, по сравнению с которым древние храмы казались лишь бледными тенями; оно было слишком величественным и впечатляющим для городка, подобного Рио-Верди.

– Величие Господа можно славить в любом месте и в любое время, – сказал Иисус, ответив на его сомнения еще до того, как Клэн успел их высказать. – Господу нет нужды помещать Его церковь там, где люди заметят ее: люди увидят ее там, где она будет построена.

И Уиллер понял. Верующие, достойные, заслуживающие этого, узнают о том, где возведена церковь, и постараются посетить ее. Пилигримы со всего мира стекутся в Рио-Верди, чтобы приобщиться к славе Христа, отраженной в великолепии Его церкви. Слепые прозреют, направив свои незрячие глаза на нее, калеки исцелятся, прикоснувшись к ее стенам. Верующие будут вознаграждены, неверующие уверуют, неправые исправятся, и царство Бога на Земле вырастет из этого скромного семени.

Глаза Уиллера наполнились слезами, и божественный образ Спасителя стал размытым.

– Я... я люблю Тебя, – запинаясь сказал Уиллер, опустившись на колени.

Иисус улыбнулся такой сияющей и блаженной улыбкой, что свет от нее пробил завесу слез и озарил лицо Уиллера.

– Я знаю, – сказал Он.

Когда Уиллер проснулся, было утро, и он лежал, уставившись на белый с отслаивающейся краской потолок над своей кроватью. Пастор немного помедлил, раздумывая, а потом сбросил одеяло, встал и пошел по холодному деревянному полу к окну, одновременно чувствуя и испуг, и воодушевление. У него не было никаких сомнений в подлинности своего прозрения: в том, что он видел Господа Иисуса Христа. Господь говорил с ним. Искренность и рвение Уиллера, его неутомимые усилия распространять учение Господа были отмечены на Небесах, и именно его избрал Иисус для выполнения этого долга: возведения величественного монумента во славу Господа.

Иллюзий на собственный счет у Уиллера не было. Он был маленьким человеком. Он не мог состязаться в популярности с телевизионными проповедниками-евангелистами, никогда не был известной в стране фигурой, и, наверное, никогда не станет ею. Хотя, если задуматься, возможно, Господу не нравилось, как популярные проповедники торгуют Его именем, извлекая из него личную прибыль. Возможно, Он искал именно такого, как Уиллер, скромного пастора для выполнения своих желаний.

Клэн не был настолько тщеславным, чтобы полагать, будто он – единственный на всей Земле человек, удостоенный чести служить Господу, и он не удивился бы, узнав, что Иисус беседовал с несколькими посвященными, поручив им строить церкви в разных странах по всему миру. Было бы нереально предполагать, что он, Клэн Уиллер, был единственным избранным из миллиардов людей, живущих на планете, кому доверено выполнить предначертание Господа.

И все же... Он думал о Ное, думал о Моисее, думал об Аврааме.

Уиллер выглянул из окна и посмотрел вниз по склону холма на фасад заброшенного магазина, где был вынужден провести первые собрания прихожан своей церкви. На самом деле фасад был не виден – пастор мог разглядеть только маленькую часть его покрытой черным рубероидом крыши, зажатой между соседними зданиями, – но он знал, что магазин именно там, и ему было приятно сознавать это. Уиллер нашел свое место в этом городке, не располагая ничем, кроме собственного красноречия и непоколебимой веры в Господа Иисуса Христа. Последние десять лет он проповедовал в Рио-Верди, и, хотя в городке были и обычные церкви, у него появились верные последователи. Пожертвования в конце концов позволили ему оставить заброшенный магазин и выкупить здание старой пресвитерианской церкви, прихожане которой построили на востоке городка новое большое здание. Он расширял свою паству, не идя ни на какие уступки современным веяниям, отказываясь следовать примеру крупных церквей и искажать слово Господа, проповедуя, как они, веротерпимость.

...И вот Иисус вознаградил его.

Уиллер отвернулся от окна. Он знал, что должен сделать. Теперь его путь был освещен, и он получил подробные инструкции. Он возьмет кредит, продаст свой дом, будет собирать пожертвования и сделает все необходимое для строительства новой церкви. Будет встречаться со своими последователями на пустующем участке рядом с закусочной «Дэйри Куин», как в те дни в Финиксе, когда у него была только палатка.

Воля Господа будет выполнена.

Тени съеживались, так как яростное солнце пустыни поднималось все выше и набирало силу. Уиллер снова уставился в окно. Он все еще чувствовал прилив адреналина, но страх и возбуждение, испытанные им всего несколько секунд назад, превратились в нечто, напоминавшее умиротворенность, которую он испытывал, когда стоял рядом с Иисусом. Он был удивительно спокоен, хотя ожидал, что будет чувствовать напряжение, как будто тяжесть всего мира неожиданно легла на его плечи.

Уиллер встретился с Иисусом Христом и говорил с Ним; ему поручили построить величественный храм Господа, попросили стать участником самого важного события в истории

современного христианства, и все же он ощущал какую-то непонятную отстраненность от всего этого, как будто наблюдал, что все это происходит с кем-то другим.

Уиллер улыбнулся, глядя на захудалый городок. Он находился сейчас в маленьком доме среди вполне заурядных людей, живущих в этой дыре на краю пустыни, но лишь ему был известен ответ на вопрос, который ставил в тупик величайших мировых теологов. Вопрос не был важным, чем-то таким, что могло потрясти все основы, и все же именно ответ на этот вопрос, а не все остальное, открывшееся проповеднику сегодня ночью, принес ему облегчение.

Черный.

Любимым цветом Иисуса был черный.

Сью Уинг старалась быть совсем незаметной, стоя у кассового аппарата в ресторане и держа в руках только что отпечатанные меню блюд, продававшихся навынос.

Она слышала, как позади нее на кухне громко спорили на кантонском диалекте ее родители. Мать настаивала, чтобы кондиционер был установлен на 27 градусов, чтобы сэкономить, а отец – что его нужно установить на 21 градус, тогда посетители будут чувствовать себя комфортно.

Спор родителей не смог полностью заглушить диссонансные звуки китайской музыки – ее слушала бабушка, и эта негромкая музыка воспринималась как подходящий фон для горячего спора родителей.

Сью взяла еще одно меню, аккуратно совместила углы и сложила его пополам.

Она взглянула поверх кассового аппарата на единственных посетителей ресторана – это была пара яппи, которые, очевидно, остановились в городке, направляясь на озеро или на ранчо, превращенное в базу отдыха. У них были каштановые волосы и похожие прически – правда, стрижка у мужчины была чуть короче, – они были одеты дорого, но с нарочитой небрежностью, чтобы было сразу видно, какие они стильные, но умеющие расслабиться на отдыхе. Женщина сдвинула свои модные, почти прозрачные солнечные очки на лоб, а мужчина положил свои на стол у локтя. Через окна ресторана Сью видела красную спортивную машину, на которой приехала эта пара.

Сью не нравились эти мужчина и женщина, не нравилось, как они снисходительно оглядывали интерьер маленького ресторанчика, торговавшего едой навынос, будто ожидали обнаружить в подобном заведении поджидающих их официантов и банкетные столы; не нравилось, как они самодовольно и пренебрежительно усмехались, читая меню.

Она снова поглядела на пару. Приезжие ели палочками, и, хотя неплохо с ними справлялись, Сью видела в этом какую-то фальшь и претенциозность. Она никогда не могла понять, что заставляет богатых белых американцев пользоваться палочками, когда они едят китайские блюда. Эти люди ведь никогда не пользуются палочками в другое время – например, когда едят американские или мексиканские блюда или когда готовят сами, – но настаивают на том, чтобы им давали палочки в китайских ресторанах. Хотят приобщиться к этническому колориту и расширить свой культурный кругозор? Сью не знала.

Она не знала также, почему ее родители и бабушка пользовались исключительно палочками – сама она выбирала или вилку, или палочку в зависимости от того, что подавали на стол. Ее брат Джон предпочитал вилку и вообще редко пользовался палочками.

Женщина подняла глаза, и Сью немедленно переключила внимание на меню.

– Мисс? – окликнула ее женщина и подняла, привлекая внимание, руку.

Сью обошла кассу и подошла к столу.

– Можно нам еще соевого соуса? – Женщина произнесла «соевый» со странным носовым призвуком, очевидно, считая, что так это должно звучать по-китайски, но на самом деле ее интонация не имела ничего общего ни с мандаринским, ни с кантонским диалектом.

– Конечно, – сказала Сью.

Она поспешила на кухню и взяла несколько маленьких пакетиков с соусом из ящика, стоявшего у двери. Родители прекратили спорить сразу же, как только она вошла в кухню: отец вернулся к плите, а мать вышла через заднюю дверь в маленькую комнатку, где бабушка резала овощи.

Сью вернулась в зал ресторана. Мужчина и женщина не обратили внимания на ее появление, и она положила пакетики с соевым соусом рядом с их тарелками.

Вернувшись к кассе, Сью снова принялась складывать меню.

В кухне теперь стало тихо – единственным источником звуков был кассетный плеер бабушки. Сью смотрела на меню и складывала их одно за другим. Родители больше не возобновляли свой спор, опасаясь, что она их услышит. Они всегда так поступали, притворяясь в присутствии детей, ее и Джона, будто они всегда во всем согласны друг с другом и никогда не спорят. Сью с братом знали, что это не так, но никогда ничего по этому поводу не говорили. Во всяком случае, своим родителям.

Иногда ей хотелось, чтобы ее семья в открытую обсуждала свои проблемы, как типичные американцы, вместо того чтобы пытаться все держать в секрете. В долгосрочной перспективе так было бы гораздо лучше.

Парочка яппи уехала, оставив слишком большие чаевые. Сью убрала со стола и отнесла тарелки в раковину, и ее мать, радуясь, что у нее появилось дело, принялась их мыть.

– Убери со стола, – резко приказал ей отец на английском.

– Я всегда это делаю, – ответила Сью.

Она схватила мокрую тряпку и вернулась в зал. Вытирая стол, подняла глаза и в окне увидела Джона, бежавшего по улице к ресторану. Он перепрыгнул через узкую канаву, отделявшую парковку, и, пробежав участок земли, резко распахнул дверь ресторана, так что колокольчик на ней звякнул. В зале рестораника он бросил свои учебники на ближайший стол у двери и направился в кухню, чтобы чего-нибудь попить.

– Пятница, – сказал он. – Наконец-то.

Сью незаметно наблюдала за братом. Он запыхался, но не казался испуганным, так что она немного расслабилась. На прошлой неделе пара задира из школы пригрозили побить его, и он в ужасе прибежал домой. Сью предположила, что на этой неделе хулиганы переключились на кого-то другого.

Он вернулся через пару секунд с банкой газировки «Доктор Пеппер» в руке.

– Из-за чего они поругались на этот раз? – спросил мальчик, кивнув в сторону кухни.

Сью улыбнулась.

– А ты не догадываешься? – Они оба помолчали. – Из-за кондиционера.

– Из-за кондиционера? Снова? – Джон ухмыльнулся и покачал головой. – Давай поставим регулятор на пятнадцать градусов и откроем все двери, чтобы воздух шел наружу. Тогда они оба взбесятся.

– Прекрати! – оборвала его девушка, смеясь.

– Это было бы забавно.

Сью бросила в мальчишку тряпку. Тот поймал ее и попытался вытереть ею Сью, но та уклонилась, спрятавшись за стол.

– Ты не сможешь убежать от меня!

Они принялись носиться друг за другом вокруг четырех столов, находившихся в маленьком зале, кричали, перебрасывались тряпкой, пока из кухни не вышел отец, сердито велевший им прекратить.

Возня прекратилась, и разочарованный Джон, нахмурившись, протянул тряпку отцу.

– Еще один веселый пятничный вечер в семье Уингов, – сказал он.

Посетителей не было, и, вместо того чтобы поужинать, как обычно, после закрытия ресторана, они уселись за стол рано. Около семи часов отец принес блюдо жареной свинины с лап-

шой чоу фан, поставил его на самый большой стол и велел Сью и Джону – оба они были заняты чтением – принести палочки и вилки. Дети отложили книги и отправились вслед за отцом на кухню, где мать и бабушка накладывали в чашки рис.

Еда была вкусной, спор по поводу кондиционера – разрешен, и после ужина, когда все выпили по чашке бульона и Сью убрала со стола, она сообщила родителям, что собирается в кино, где последний день показывают новый фильм Вуди Аллена.

– И я! – сказал Джон. – Я тоже хочу пойти.

– Нет, – сказала Сью.

– Почему нет? – спросила ее мать по-китайски. – Почему бы тебе не взять брата с собой?

– Потому что я иду в кино с другом.

– С каким другом?

– Мама, мне двадцать один год, и я достаточно взрослая, чтобы меня не допрашивали о том, с кем я буду смотреть дурацкий фильм.

– С парнем? Ты собираешься в кино с парнем?

– Нет.

– Точно, с парнем. И ты стесняешься показать его своей семье и встречаешься с ним тайком от нас.

– Отлично. Тогда я не пойду.

– Иди, – вмешался отец. – Все нормально.

– Но мы даже не знаем этого парня!

– Да нет никакого парня! – раздраженно выкрикнула Сью. – Если я решу отправиться на свидание, то скажу тебе. Я не иду на свидание.

– Тогда почему я не могу пойти с тобой? – спросил Джон.

– Потому что у фильма рейтинг «Р»².

– Рейтинг «Р»? – переспросила мать. – Я не уверена, что тебе следует смотреть этот фильм.

– Я видела уже тысячу фильмов с рейтингом «Р» по кабельному телевидению. Как и ты, и Джон.

– Тогда почему мне нельзя пойти? – снова спросил брат.

Сью всплеснула руками.

– И не думай об этом! – Она перешла на английский. – Боже, если бы я знала, что все окажется так сложно, то и не заговорила бы об этом!

– Ты можешь идти, – сказал отец. – У нас сегодня мало работы. Я без тебя обойдусь. – Он повернулся к жене и Джону. – Она достаточно взрослая, чтобы делать с друзьями то, что ей хочется. И имеет право сама решать.

Сью глубоко вздохнула.

– Спасибо, – поблагодарила она отца, а потом посмотрела на мать, которая ей улыбнулась и одобительно кивнула головой.

– Мне тебя встретить, когда закончится кино?

Сью отказалась, покачав головой.

– Я приду домой сама.

– Ты уверена? Так поздно?

– Со мной все будет в порядке.

– А когда ты вернешься? – спросила мать девушку.

– Кино начинается в восемь, а заканчивается в девять тридцать; значит, я буду дома к десяти. – Сью взглянула на настенные часы. – Мне пора идти, а то опоздаю.

² Разрешен просмотр только в присутствии взрослых, так как в фильме могут быть сцены насилия, нецензурные выражения и т. д. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Девушка взяла свою куртку со стула, стоявшего у входа в кухню, и поспешно убежала, пока мать не придумала еще какой-то аргумент. Все дело было в том, что в кино она шла одна, и происходило это гораздо чаще, чем Сю была готова признаться родителям. Обычно она ходила в кино одна не потому, что не было спутников, а потому, что так ей самой нравилось. Хотя на этот раз ее решение не было абсолютно добровольным. Сю предложила Шелли и Джанин отправиться вместе с ней, но ни одна из подружек не захотела смотреть этот фильм. Однако девушка не хотела лишать себя удовольствия из-за того, что у нее не нашлось в этот раз спутниц.

Сю знала, что родители, особенно мать, запретили бы ей уходить из дома, если бы узнали, что ей нравится быть одной: ходить в кино, за покупками и заниматься другими делами, которые принято делать в компании, – одной, без друзей и подружек. Вероятно, они сочли бы это позором для семьи и решили бы, что с ней что-то не так или что у нее появились серьезные проблемы.

Хотя никто из родителей пока прямо ей ничего не говорил, и так было ясно, что они серьезно озабочены: Сю уже исполнился двадцать один год, но она еще не вышла замуж. Ее мать постоянно повторяла, что у нее в этом возрасте уже была двухлетняя дочь. Сю ничего не отвечала, но про себя думала, что, если бы она забеременела в девятнадцать, ее родители решили бы, что она потаскуха, испорченная западным миром.

По этому вопросу бабушка, которая обычно поддерживала девушку в спорах, была полностью согласна с ее родителями. Она даже предложила отослать внучку в Сан-Франциско к тете, где можно найти чудесного китайского парня.

Сю уже давно не пыталась объяснять, что выйдет замуж тогда, когда будет готова к этому и полюбит кого-то, а не тогда, когда это предписывается традицией. Теперь она только улыбалась, кивала согласно головой и ждала окончания разговора.

Когда девушка выходила на улицу, ей пришлось отступить в сторону, потому что к магазину подъехала машина. Сю свернула направо и пошла по песчаной тропинке, вившейся между кактусов и тополей, по которой можно было быстро дойти от их ресторана до заднего двора торгового центра «Башас».

Кинотеатр находился на дальней стороне торгового комплекса, и она чуть не опоздала: когда усаживалась в кресло, свет уже погас и началась реклама.

Это был хороший, но не лучший фильм Вуди Аллена. Не «замечательный», как сказали ей Сискель и Эберт, но забавный и глубокий, и его стоило посмотреть. Однако те, кому, как и ей, фильм нравился, были явно в меньшинстве. Зрители громко комментировали вслух происходившее на экране, видимо, считая это вместе со своими друзьями остроумным. Но Сю не нравился грубый подростковый юмор. Немногочисленные зрители чаще смеялись над ремарками этих шутов, чем над по-настоящему смешными эпизодами, и девушка даже начала жалеть, что не дождалась, пока фильм появится на видео.

Кино закончилось, и она не спеша пошла через парковку.

Та была почти пустой: на ней стояло лишь несколько автомобилей, припаркованных у входа в кинотеатр. Сю остановилась и посмотрела на темное и безлунное небо, усеянное крупными звездами. Прохладный воздух напоминал о скорой зиме. Слабый ветерок доносил из пустыни дымок горевшего в костре мескитового дерева.

Девушка глубоко вдохнула прохладный воздух. Ей нравились такие вечера, но почему-то они всегда навевали на нее печаль. Сейчас следует быть с людьми, а не одной. Нынче хорошо пить горячее какао, уютно свернувшись в кресле и укрывшись пледом, а не есть лапшу и слушать споры родителей.

Мимо нее парочки шли к своим машинам и пикапам, тихо и нежно переговариваясь. В основном школьники-старшеклассники: парни в своих ковбойских шляпах, сапогах и потер-

тых джинсах были юными копиями своих отцов, а девушки хихикали, готовые подчиняться своим спутникам и подражая в этом своим матерям.

Сью покачала головой и посмотрела на наклонившийся тополь, росший на углу парковки. Она понимала, что слишком строго судит этих людей. Сегодня у Сью было плохое настроение. Ревность, вероятно. Ее собственная мать была, без сомнений, гораздо безропотнее и покорнее, чем эти девушки и даже их матери.

Справа от себя у красного пикапа она заметила страстно целующуюся парочку: юные влюбленные не сомневались, что вечно будут вместе. Девушка почувствовала ревность и к ним. С ней, когда она была в их возрасте, такого не было. Она и тогда жалела об этом, и сейчас жалеет. Сью вспомнила свой выпускной бал в школе: это был единственный случай, когда она танцевала. Она отправилась на бал с Клеем Брауном, с которым была едва знакома. Ни один из них не смог подобрать себе другого партнера, и поэтому они оказались вместе, в общем-то, по необходимости. После бала они попытались смягчить свою неудачу в темной машине, припаркованной на грунтовой дороге на берегу реки. Но, хотя оба они желали, чтобы что-то произошло, их старания закончились ничем. Их страсть была наигранной, неуклюжей, и оба испытывали неловкость; почти сразу стало понятно, что ничего у них не получится.

Чтобы вновь не испытывать смущения, после бала они избегали друг друга. Клей потом уехал из городка. Наверное, он сейчас уже женат.

Сью наблюдала, как юные влюбленные наконец перестали целоваться и сели в свой пикап. Там они снова поцеловались, и только потом машина тронулась.

Сью шла, раздумывая о том, что мать, наверное, не ляжет спать, будет ждать ее и снова устроит ей допрос третьей степени, когда она придет домой...

– Эй, Сью! Подожди!

Девушка обернулась и увидела спешащую к ней через парковку Шелли.

Сью остановилась, ожидая подружку. Наконец пухленькая Шелли добежала до нее и остановилась, тяжело дыша.

– Я знала, что ты придешь в кино, и решила пойти с тобой, но не нашла тебя.

– Я сидела в последнем ряду. Я думала, ты не пойдешь.

– Я передумала.

– Почему? У тебя было свидание?

Шелли фыркнула.

– Очень смешно. На самом деле я пыталась застать тебя в ресторане, но Джон сказал, что ты уже ушла. Я думала, что сумею найти тебя в кинотеатре, но, когда я туда добралась, фильм уже начался, и мне не хотелось ходить взад-вперед по залу и искать тебя.

– Ну, я тебя тоже не видела.

– Я была в первых рядах сбоку. – Шелли покачала головой. – Я чуть не пошла домой. Еще никогда не ходила в кино одна.

Сью пожала плечами.

– К этому привыкаешь. – Она снова пошла по направлению к улице. – Итак, что же стряслось? Почему тебе понадобилось меня искать?

– Да, в общем, ничего. Ты знаешь, мой папа снова не пришел домой после работы, и мама на меня набросилась, так что мне нужно было оттуда убираться. Я и решила, что пойду с тобой в кино.

– А сейчас ты жалеешь, что не осталась дома, верно?

Шелли не улыбнулась.

– Нет, – сказала она. – Становится все хуже. Я собиралась подождать, пока смогу позволить себе что-то приличное – например, свой трейлер или что-то в этом роде, – но теперь, думаю, нужно сваливать, причем срочно. У меня завтра полдня свободны, и я подумала, может быть, ты сходишь со мной узнать цены на съемные квартиры.

– Для этого нужно всего десять минут. Тебя интересуют новые в Сейдждбраш или старые на Копперхед?

Шелли пожала плечами.

– Я не знаю. Я думала, мы возьмем газету и посмотрим.

– Да, я пойду с тобой.

Шелли с благодарностью посмотрела на подругу.

– А сегодня? Ты вернешься домой? Ты могла бы... остаться у меня.

– Да, верно.

– Ты могла бы переночевать в моей комнате.

– Сью, твои родители не любят меня. Они не разрешат мне ночевать у тебя.

– Разрешат.

Шелли, не соглашаясь, покачала головой.

– Нет, не разрешат. Кроме того, я собираюсь обратно. Мой отец, наверное, уже вернулся, и, если они ругаются, я сумею проскользнуть незамеченной.

Сью ничего не сказала и отвела глаза. Шелли была права. Ее родителям она не нравилась. Сью не знала почему: то ли потому, что Шелли не была китаянкой, то ли потому, что получала не такие высокие оценки в школе, чтобы быть подходящей подругой для их дочери. Ее родители разрешили бы Шелли переночевать и обращались бы с ней вежливо, но ей самой после ухода подруги пришлось бы выслушать немало всего о подробностях жизни семьи Шелли.

– Пошли, – сказала Шелли. – У меня машина, и я подвезу тебя до дома.

– Хорошо.

На парковке было пусто: там стояли только потрепанный «Додж Дарт», принадлежавший Шелли, и пикап «Тойота» у дальней стены кинотеатра. Сью снова почувствовала запах мески-тового дерева: то ли что-то жарили на ранчо для туристов, то ли одинокий путник жег костер, собираясь ночевать в пустыне.

Шелли открыла дверь со стороны пассажира. Сью села в машину, а потом протянула руку и открыла дверь со стороны водителя. Сью пристегнула ремень, а Шелли завела машину и поставила кассету с музыкой Клинта Блэка.

– Только не это отстойное кантри, – проворчала Сью.

Шелли осклабилась:

– Если не кантри – значит, вообще не музыка.

Сью уставилась в окно на темные здания, пока «Дарт» спешил по 370-му шоссе к центру. На западе чернел силуэт пика Апачей, который выделялся даже на фоне темного неба. Они ехали молча, слушая музыку. Утром бабушка Сью заявила, что этот день хорошим не получится: тогда Сью не обратила внимания на ее предсказание, а теперь задумалась о том, что бабушка имела в виду. Было ясно, что старуха видела какой-то сон, предвещавший важное событие. Имела ли она в виду кризис в семье Шелли или что-то другое? Нужно будет спросить.

Машина остановилась перед домом Сью, она вышла и подошла к окну со стороны Шелли.

– Ты хочешь зайти и посидеть у меня, пока твои не успокоятся?

Та покачала головой в знак отказа.

– Уже прошло два часа. Или они уже успокоились, или будут ругаться до рассвета. – Девушка устало улыбнулась. – Или мой папка ушел и топает по шоссе, распевая «Когда я вернусь в Финикс».

– Тогда позвони мне завтра.

– Позвоню.

Сью стояла на покрытом трещинами тротуаре и смотрела, как задние фары машины ее подруги удаляются, пока та не свернула. Затем поднялась по ступенькам на крыльцо. Дверь открылась еще до того, как она успела вынуть ключ из сумочки. В дверном проеме стояла ее

бабушка, освещенная сзади светом из передней. Всклокоченные волосы пожилой женщины казались черным нимбом. Все другие домочадцы, включая мать Сю, уже отправились спать.

– Я рада, что с тобой все в порядке, – сказала бабушка по-китайски и добавила: – Я ждала. Думала, с тобой что-то может случиться.

– У меня все отлично, – ответила Сю, входя, сняла туфли и закрыла за собой дверь. Но бабушка все равно выглядела встревоженной. – А что тебя взволновало?

Пожилая женщина похлопала ее по плечу.

– Мы поговорим утром. Сейчас уже поздно. Я старая, и мне нужно отдохнуть. А ты молодая, но тебе тоже нужно отдохнуть. Нам обеим пора в постель.

– Ладно, – сказала Сю.

Обе они прошли через переднюю и остановились перед дверью в комнату девушки. Сю зевнула, потом улыбнулась.

– Спокойной ночи, бабушка, – сказала она.

Старушка кивнула ей и пожелала спокойной ночи, но ее лицо все еще было встревоженным, и она не улыбнулась в ответ, проходя дальше по коридору.

Рич Картер всегда просыпался с рассветом.

Он открыл глаза, зевнул, потянулся. Шторы были задернуты, но через них пробивался рассеянный свет яркого восходящего солнца – продолжалось бабье лето. Рядом с ним на кровати все еще спала Кори, прикрыв глаза рукой, будто какая-то часть ее мозга знала, что настало утро, но приказывала телу поддерживать иллюзию темноты так долго, как было возможно. Рич поглядел на нее. Во сне она казалась почти счастливой – гораздо более довольной, чем днем, когда бодрствовала. Линия рта смягчилась, морщинки на лбу разгладились. Кори выглядела на десять лет моложе, как тогда, когда они впервые познакомились.

Иногда Рич чувствовал себя виноватым за то, что привез ее сюда.

Он протянул руку, осторожно раздвинул чуть-чуть занавески и выглянул на улицу. Сквозь забор из металлической сетки через просвет между гаражом и пустынной акацией, росшей в дальнем углу двора, ему был виден плоский пустынный ландшафт, вдалеке маячила цепь плоских холмов, а перед ней здесь и там были разбросаны скалы из песчаника. Желтое утреннее солнце отчетливо высветило резкие контуры гигантских кактусов сагуаро, осветило колючие кустарники окотилло и гигантские камни, расположенные перед цепью холмов на севере – подобный пейзаж можно было увидеть только в этот час и в такой день. И как раз в такое утро, когда небо было голубым и почти безоблачным, и даже самые явные признаки вторжения цивилизации казались лишь временными царапинами на этой прекрасной и неизменной земле, он особенно остро ощущал, насколько был прав, решив вернуться в Рио-Верди.

Кори с ним не согласилась бы. Это являлось одной из причин, по которой он не стал ее будить, чтобы она с ним вместе любовалась этим прекрасным утром. Кори ненавидела пустыню. Ну, возможно, «ненавидела» звучало чересчур. Однако она не замечала красоты пустыни, неповторимый свет, небо и пейзаж не впечатляли ее. Она привыкла к Рио-Верди, но не могла обойтись без воскресных поездок в Финикс или во Флагстафф, в Рэндалл, Пейсон. Рич вспомнил, как она, впервые увидев городок, немедленно объявила его самым неприглядным местом, которое когда-либо знала. С тех пор ее взгляды несколько изменились: теперь Кори говорила, что видела еще несколько мест даже безобразнее, чем Рио-Верди, все в сельской местности, но она так и не полюбила этот городок, как он надеялся.

Так, как его любил Рич.

Тогда, во время его первого возвращения сюда, Рио-Верди показался ему самым привлекательным местом на свете. После долины реки Колорадо – или, как здесь говорили, просто Долины – и Южной Калифорнии его глаз радовал знакомый пейзаж: лента тополей вдоль реки, улицы и здания на вершине низкой гряды пустынных холмов, протянувшейся вдоль каньона Синауга Блаффс. Рич ощущал здесь спокойствие и удовлетворенность. Он был так счастлив

вернуться сюда, что пытался убедить себя, будто разочарование Кори городком вызвано исключительно тем, что они въехали в него по 370-му шоссе с некрасивой восточной стороны, вместо того, чтобы воспользоваться 95-м шоссе. Он уже тогда знал, что его жена – девушка из крупного города, и ей придется привыкать к жизни в маленьком городке. Хотя в тот раз он еще не представлял, что это окажется так трудно.

Рич раздвинул занавески до конца. Анна уже встала. Он услышал в гостиной музыку из детской передачи «Улица Сезам» и, сбросив одеяло, тихонько встал с кровати, стараясь не потревожить Кори. Направился в ванную, надел халат и по короткому коридору прошел в гостиную.

– Привет, мой ангелок, – сказал он, поднял Анну с дивана и поцеловал ее в лобик.

Девочка хихикнула и провела рукой по лбу.

– Перестань, папа. Я хочу смотреть мою передачу. Что у нас на завтрак?

– Ящерицы и змеи. С жучиным молоком.

Она снова хихикнула.

– Нет, а на самом деле?

– Французские тосты.

– Вкуснятина! – Девочка одарила отца забавной улыбкой – у нее уже начали выпадать молочные зубы – и снова уселась на диван смотреть телевизор.

Рич подошел к стойке, отгораживавшей кухню от гостиной. Если он когда-нибудь и решит уехать из Рио-Верди – то только из-за Анны. Он никогда по-настоящему не сочувствовал жалобам Кори на то, что городок был скучным, поскольку сам никогда в нем не скучал, и твердо верил, что умный человек всегда найдет что-то интересное, где бы он ни находился. Однако иногда Рич беспокоился об Анне. Рио-Верди был маленьким городком, и хотя они с Кори пытались привить дочери свои интеллектуальные ценности, а кабельное телевидение давало доступ к культурной жизни остального мира, он не мог не думать о том, что, возможно, девочка лишена чего-то. Рич не сомневался в способностях учителей из городка – многих из них он знал, и большинство из них ему нравились, не было у него и сомнений в потенциале Анны, но все же он был согласен с Кори, что относительная изолированность городка может привести к тому, что их дочка окажется в невыгодном положении, когда ей придется конкурировать с людьми из других частей страны. Это была географическая изолированность, а не интеллектуальная или культурная, но все равно она вызывала опасения.

Если что-то и вытаскивает его отсюда, так только забота о благополучии Анны.

Однако, когда Рич смотрел выпуски новостей о ежедневных убийствах в Лос-Анджелесе, Детройте и Нью-Йорке или читал статистические отчеты о наркотиках и преступлениях с применением насилия, ему казалось, что маленький городок – такой, как Рио-Верди, – может быть идеальным местом для воспитания детей.

Трудно быть родителем.

– Эй, – крикнул он. – Ты хочешь разбить яйца?

– Да! – ответила Анна, спеша в кухню. Разбивать яйца было одним из ее любимых занятий.

Он держал миску, пока девочка брала яйца двумя руками и разбивала их о край. Половина белка оказалась на полу, а в чашку попали кусочки скорлупы, но Рич похвалил дочку. Она улыбнулась и побежала назад в гостиную досматривать «Улицу Сезам».

После завтрака, пока Анна помогала Кори мыть тарелки, Рич вернулся к своей работе. Сроки для статьи, которая должна была выйти на этой неделе, уже прошли, а Мардж Ватсон ее так и не написала. Мир выживет и без обзора общественной жизни, посвященного на этой неделе новостям Ассоциации женской вспомогательной службы резерва флота, но Ричу все еще нужно было чем-то заполнить вторую страницу газеты, и он собирался провести половину субботнего дня за этим занятием.

Рич включил компьютер, вставил дискету с текстовым редактором и смотрел на экран, пока компьютер загружался. Иногда он задумывался о том, есть ли во всем этом смысл. Он знал, что в его распоряжении слишком мало ресурсов, чтобы написать качественную статью, но усердно работал и делал все, что мог. К несчастью, в городке было слишком мало постоянных жителей, чтобы у него появились преданные читатели, а проезжие туристы использовали газету, лишь чтобы разжигать костры. В дополнение ко всему его авторы ничуть не беспокоились, если нарушали сроки.

Иногда это вызывало депрессию.

В минуты романтического настроения ему нравилось представлять себя неггибаемым и закаленным репортером, которого в кино сыграл бы Хамфри Богарт, или Роберт Митчум, или, возможно, даже молодой Марлон Брандо³. Но все это были только мечты, в которые Рич и сам не очень верил. По правде говоря, он больше всего походил на секретаря. Вряд ли его жизнь стоила, чтобы ее показали в кино или даже в мыльной опере.

Зазвонил обычный телефон, потом ему начал вторить стереосигнал беспроводного телефона, лежавшего рядом с его столом, и, наконец, зазвонил телефон на кухне. Еще одна серия звонков. Он немного помедлил перед тем, как снять трубку, надеясь, что Кори ответит на звонок. Она так и поступила, но сразу позвала его:

– Рич!

– Я отвечаю! – Он снял трубку. – Алло?

– Рич? Это я.

– Роберт? – Рич прижал трубку к другому уху и нахмурился. Он не мог припомнить другого случая, когда брат позвонил бы ему в субботу так рано.

– Как дела?

– Что ты делаешь?

– Говорю с тобой. – Рич попытался сохранить шутливый тон, но различил серьезные нотки в голосе Роберта.

– Нет, я имею в виду сегодняшнее утро. У тебя есть какие-то планы?

– В общем, нет. А в чем дело?

Роберт сухо откашлялся.

– Я хочу, чтобы ты приехал и кое-что посмотрел вместе со мной.

– Что?

Роберт снова кашлянул – эта нервная привычка была у него с детства, но проявлялась, только если он испытывал сильный стресс.

– Мы нашли труп. В овраге. Это... Мануэль Торрес.

– Старик, работавший в гараже Троя?

– Да. Он... – Опять кашель. – Тебе нужно приехать сюда. Тебе нужно увидеть это.

– Убийство?

– Тебе нужно самому посмотреть.

– Хорошо. Только возьму свой фотоаппарат. Я с тобой встречу... где?

– У оврага. Но я не знаю, понадобится ли тебе твоя камера. Не получится кадров, подходящих для газеты.

– Что случилось, Роберт? Что это?

– Тебе лучше самому посмотреть.

Около оврага уже находились два легковых автомобиля и тяжелый внедорожник, возле них стояли четверо мужчин. Стив Хинкли и Тед Тролл – два помощника шефа полиции – сто-

³ Знаменитые американские киноактеры, служившие эталоном мужественности.

яли около машин и разговаривали. Роберт и Брэд Вудс, коронер округа, стояли у края большой вымоины и что-то разглядывали.

Рич остановил машину на обочине грунтовой дороги и вышел из машины, прихватив камеру с пассажирского сиденья и повесив ее за ремешок себе на плечо. Облако красноватой пыли, поднявшейся, когда он тормозил, проплыло над ним, и его унес теплый утренний ветерок.

Рич кашлянул, сплюнул, вытер глаза и потом посмотрел на Роберта, махнувшего ему рукой, чтобы Рич к нему подошел.

В нормальном городе, в настоящем городе они с Робертом не сумели бы поддерживать подобные профессиональные отношения. Их обвинили бы в конфликте интересов, в том, что отношения полиции и прессы гораздо теплее, чем им следует быть, и ему пришлось бы поручить кому-то другому писать о преступности.

Но Рио-Верди не был нормальным городом. Всем наплевать на то, являлся ли Рич братом начальника полиции, или двоюродным братом мэра, или сыном президента, да еще и трансвеститом, до тех пор пока объявления о распродажах домашних вещей выходили вовремя; это, конечно, не имело ничего общего с журналистской этикой, но, без сомнения, делало личную жизнь Рича гораздо легче.

Он прошел по плотно спрессованному песку мимо припаркованных автомобилей туда, где Роберт и Вудс ждали его в мрачном молчании.

– Привет, – сказал он, кивнув обоим, потом повернулся к коронеру. – Вы не могли бы оставить нас на секунду вдвоем? Мне нужно поговорить с моим братом с глазу на глаз.

Коронер кивнул и медленно пошел к автомобилям.

Роберт взглянул на Рича, но ничего не сказал. Он выглядел озабоченным.

– Он внизу? – спросил Рич. Брат утвердительно кивнул.

Рич подошел ближе, остановился на краю оврага и посмотрел вниз. Его сердце забилося.

– Боже мой, – выдохнул он.

От Мануэля Торреса не осталось ничего: только скелет, обтянутый кожей.

Рич уставился на него, не в силах отвернуться. Даже отсюда, даже под таким углом он видел сморщенную, натянутую кожу на лице мужчины, его торчавшие между темных и высохших губ зубы, казавшиеся огромными для маленькой съежившейся головы, его запавший нос, который теперь превратился в углубление, черневшее между обтянутыми кожей впалыми щеками. Пустые глазницы старика стали двумя черными круглыми дырами.

По рукам Рича побежали мурашки. Мануэль Торрес все еще был одет – выцветшие джинсы и грязная футболка, – но его ботинки свалились, а брюки приспустились, так что можно было разглядеть во всех подробностях полосу сморщенной кожи на тощей талии и ноги старика.

Вокруг его тела почти правильным полукругом лежали мертвые животные, причем также обескровленные: ворона, ястреб, два зайца и калифорнийская бегающая кукушка.

– Что это? – спросил Рич. – Как это произошло?

Роберт покачал головой, глядя на двух своих помощников, стоявших рядом с полицейской машиной. Рич заметил, что брат ни разу не заглянул в овраг, после того как Рич приехал.

– Я не знаю, – сказал он. – Я не знаю, что здесь происходит. Даже Брэд никогда не слышал ни о чем подобном.

Рич понял, что и ему самому было трудно заставить себя снова заглянуть в овраг. Он пристально посмотрел на своего брата.

– Кто нашел тело?

– Я. Заметил припаркованный здесь джип, рядом с которым никого не было. Я ехал в своем «Бронко», а в нем нет радио, так что, когда я увидел там Мануэля, вернулся в участок, позвонил Брэду, позвонил тебе и вернулся сюда с Тедом и Стивом.

– Ты еще туда не спускался?

Роберт отрицательно покачал головой.

– Нам нужно соблюдать осторожность. Там могут быть следы ног. Мы не хотим ничего портить. Пройдем вдоль обрыва и найдем другой спуск.

Рич отвернулся от брата и посмотрел направо, туда, где овраг огибал город. Он уже давно здесь не был, но в детстве они с Робертом часто играли здесь с друзьями: копали пещеры, перекрывали досками валуны, превращая их в форты и тайные убежища. Они считали, что этот овраг принадлежит им, полагая, что обнаружили его первыми, а больше никто о нем не знает.

Это было их тайное место, где они прятались от своих врагов, взрослых и воображаемых противников.

Рич не мог вспомнить, когда был здесь в последний раз, но сейчас, когда осмотрел овраг, где тек ручей, он показался ему каким-то другим. Теперь в нем ощущалось постоянное присутствие смерти. Конечно, теперь Рич смотрел на этот пейзаж глазами взрослого, видящего мертвое тело и воспринимающего его как вторжение зла в то место, которое в детстве было для него раем. Он был уверен в том, что, когда они были детьми, спокойно отнеслись бы к появлению трупа и даже выдумали бы какую-нибудь изощренную историю с приключениями, чтобы объяснить его присутствие, – историю, которая бы сделала их убежище еще более недоступным и интересным.

Что они тогда знали о жизни? Да ничего. Они были детьми. Они бы не поняли последствий того, что произошло, и обескровленные останки мужчины и окружающие его мертвые животные напугали бы их ничуть не больше, чем какая-нибудь страшная и ужасная история, рассказанная у костра.

А вот сейчас Рич был напуган. И тот страх, который он испытал, в первый раз заглянув в овраг, так и не прошел. Рич снова повернулся к брату.

– Это убийство или естественная смерть?

– Естественная?

– Ты знаешь, что я имею в виду. Он просто здесь умер и потом... ну, высох или что-то в этом роде?

– Я видел вчера, как он шел по улице, когда заезжал в гараж.

Рич пожал плечами.

– Тогда как это произошло? Как такое физически возможно?

Роберт глубоко вдохнул.

– Помнишь, несколько лет назад ходили слухи о ведьмах и сатанистах, собиравшихся здесь? Люди в мантиях и ритуальные песнопения при полной луне?

– Но это ничем не закончилось. Вы ничего не нашли. Черт возьми, вы даже не нашли ни одного человека, видевшего тех ночных певцов. Только кто-то кому-то что-то рассказывал.

– Да, но, может быть, это как-то связано. Я имею в виду... Боже, глянь на него. – Он шагнул по направлению к трупу. – Это не обычное убийство.

– Не бывает обычных убийств. Это вообще первое убийство, с которым ты имеешь дело.

– И я до смерти напуган. Признаю это. Я не знаю, кого мне следует проинформировать, как я должен начать расследование. Что если я не справлюсь? Я позвонил Брэду, он теперь здесь; заберет тело и проведет вскрытие. Я сообщу жене Мануэля. Но должен ли я сообщить полиции штата? Должен ли я проинформировать власти округа? Какова цепь распоряжений в этих случаях? Какова процедура? Кто должен знать, веду ли я расследование как надо или валяю дурака?

– Позвони Пи Ви. Он знает, что делать. Он наверняка сталкивался с чем-то подобным.

– С чем-то подобным? – Роберт с сомнением покачал головой. – Не думаю.

– Я имею в виду не что-нибудь именно такое. Я имею в виду убийство. Пи Ви был начальником полиции тридцать лет. Думаю, раньше он имел дело с убийствами.

Рич снова заглянул в овраг и не смог оторвать взгляда от съёженного костлявого трупа и окружавшего его полукруга мертвых животных.

– Я не думаю, что кто-нибудь видел нечто подобное раньше.

– И я так не думаю. – Снова задул ветерок и взъерошил редющие волосы Роберта. Он замолчал на секунду, потом спросил: – Что здесь произошло, как ты думаешь?

Рич заморгал; хотя ветерок был теплым, его все еще знобило. Он кашлянул.

– Не знаю. Это... это как будто что-то нереальное. Будто из какого-то чертова кино, ты понимаешь?

Роберт кивнул.

– Я понимаю. – Он сплюнул на песок, растер плевком носком ботинка и подошел к своим помощникам и коронеру. – Поехали. Уже поздно. Мы уже здесь и так долго проторчали. Пора спуститься вниз.

Рич кивнул, но ничего не сказал.

Оба молча зашагали к машинам.

Брэд Вудс в свое время вскрыл немало трупов. Пожилые женщины и мужчины, скончавшиеся от старости, дети, умершие от болезней, и даже те, кто погиб во время аварий в шахтах или в дорожных происшествиях. Какие-то из этих случаев были просто ужасными и разрывали сердце, какие-то не вызвали сильных эмоций, но все они не выходили за рамки нормальности. Ни один из этих трупов никогда не вызывал у него испуга.

До сегодняшнего дня.

Брэд глядел на тело Мануэля Торреса, лежавшее на столе в середине комнаты. Обнаженное, оно оказалось еще меньше похожим на человеческие останки, чем раньше, когда на нем была слишком просторная одежда. Лежавший на песке сморщенный и съёженный труп Мануэля напоминал хищного насекомого-богомла, забравшегося в человеческую одежду, но сейчас под светом бестеневых ламп на операционном столе неестественно искаженные пропорции выглядели еще ужаснее. Теперь Брэд мог ясно видеть, что конечности насекомого-переростка были на самом деле человеческими руками и ногами, превратившимися в скелет под сохшей кожей, что впалый живот и неестественно сжавшиеся гениталии были результатом полного истощения, а ужасное лицо-маска стало иссушенным и обезвоженным, но на нем странным образом не проявилось следов разложения.

Врач осторожно потрогал тело пальцем в области желудка. Он чувствовал сухость трупа даже сквозь перчатки, и в безмолвной комнате, где лишь почти неслышно гудели люминесцентные лампы, кожа мертвеца зашуршала, как смятая газетная бумага.

Брэд нервно отдернул руку. Кости старика были сломаны, а разможенные ребра в нескольких местах прорвали кожу на грудной клетке. Кожа была настолько обезвожена, что полностью утратила упругость. Из ран не вытекло ни капли крови.

Что могло полностью извлечь все виды жидкости из трупа? И всего за одну ночь? По свидетельству начальника полиции Картера, Трой утверждал, что Мануэль вчера вечером работал до пяти.

Спустившись в овраг, Брэд лишь бегло осмотрел тело, проверив, нет ли на нем очевидных следов насилия. Это оказалось непросто. Даже в присутствии других людей – полицейских и представителей прессы – ему не хотелось прикасаться к трупу старика; пришлось заставить себя сделать это. Сейчас, в одиночестве, ему еще труднее было начать свою работу.

Брэд почувствовал, как его зазнобило, по рукам и шее побежали мурашки. Трупы животных были сложены в мешки и находились в глубине комнаты – их он обследует позже с Эдом Дюремом, ветеринаром.

Но Мануэля Торреса должен был обследовать он сам.

Брэд включил диктофон, взял скальпель, задержал дыхание... а потом выключил диктофон, положил скальпель и отпил глоток воды из пластиковой бутылки, стоявшей на подносе.

Он не хотел вскрывать этот труп. Вот в чем было дело. Брэд тянул с этим минут пятнадцать: он раскладывал инструменты, проверял диктофон, выполнял обязательные подготовительные процедуры, что обычно занимало не больше пяти минут. Он хотел бы, чтобы ему помогал ассистент или коллега. Можно было позвонить Ким, его секретарю, и попросить ее приехать и присутствовать, хотя она и не смогла бы ему ничем помочь.

Ему даже было бы легче, если бы в здании был еще кто-то, кроме него.

Брэд осмотрел операционную. Хотя она была пуста и хорошо освещена и в ней не было ни одного темного уголка, что-то заставляло его нервничать и ощущать дискомфорт. Он никогда не относился к тем, кто боится смерти или считает безжизненное тело чем-то священным, чем-то таким, к чему нельзя прикасаться. Для него достойное отношение к телам усопшим и необходимость вскрывать их ничуть не противоречили друг другу. Для Брэда вскрытие трупов раньше не было проблемой, вот почему он без колебаний выбрал именно эту профессию. Он воспринимал труп как пустую оболочку, уже покинутую душой. Единственная ценность мертвого тела заключалась в том, что оно помогало узнать о причинах смерти. Его функцией было служить источником медицинской или криминальной информации для тех, чьей обязанностью было ее получать.

Но тело Мануэля Торреса не казалось ему пустой оболочкой. Несмотря на то, что в физическом смысле этот труп, как ни один другой из виденных им ранее, как раз и был похож на пустую оболочку, он почему-то не казался Брэду опустошенным сосудом: врач не мог не думать о душе Мануэля Торреса, о той искре, делавшей человека человеком, которая была все еще жива, но не могла покинуть это мертвое тело, в котором что-то ее удерживало.

Он никак не мог отделаться от этой глупой мысли. Вот почему Брэду не удавалось заставить себя вскрыть труп и он пытался оттянуть момент, когда сделает первый надрез. У него было такое чувство, будто он совершает убийство. Каждый раз, когда врач брал в руки скальпель и глядел на мертвое тело, намечая, где он сделает разрезы, чтобы вскрыть грудную клетку и брюшную полость, ему казалось, что Мануэль вдруг сядет и начнет кричать и биться в агонии, а его съезженные внутренние органы выпадут сквозь прорехи в его иссушенной коже.

Брэд скользнул взглядом по левой ступне старика. Большой палец пошевелился? Он несколько секунд глядел на эту ступню, но она была неподвижна и спокойно отражалась в серебристой поверхности стола.

Больше всего его пугал тот факт, что ему представлялось, будто тело вдруг начнет двигаться. Глупо; и он понимал, что это было глупо. Реакция ребенка, насмотревшегося страшных фильмов. Но странное ощущение не проходило. Брэд вскрыл сотню тел в этой комнате. Возможно, даже две сотни. Он работал здесь и утром, и по ночам, и в будние дни, и в выходные, но никогда не испытывал ничего подобного.

Что, черт побери, с ним происходит?

Брэд приказал себе сохранять профессионализм, просто действовать по инструкции и шаг за шагом выполнять несложные медицинские процедуры, предписанные законом при вскрытиях. Он снова включил диктофон и взял скальпель, потом глубоко вдохнул через нос, чтобы успокоиться. Снова посмотрел на Мануэля Торреса. Он видел кости сквозь сморщенную и прозрачную ссохшуюся кожу, белые кости черепа и скелета, и это было то, что он знал и с чем как-то мог справиться. Здесь не было никаких монстров – только мертвое мужское тело. Тело, основой которого служили скелетные кости. Позу трупа можно было считать необычной, но его состав – нет.

Настало время отбросить глупости и приступить к работе.

На этот раз Брэд сделал скальпелем надрез на груди – и холодный испуг прошел, суеверия уступили место знакомому и приятному ощущению бесстрастной компетентности.

Он описывал каждую проведенную процедуру, записывая все свои действия на диктофон. Тело в самом деле было обезвожено, причем очень сильно, но этот факт уже не казался ему таким ужасным, как несколько секунд назад. Он снова был коронером, выполняющим свою работу, фиксирующим полученную информацию, и хотя позже им опять могут овладеть эмоции, сейчас он работал «на автопилоте», последовательно наблюдая и записывая факты.

Брэд перевернул тело, чтобы исследовать его боковые и задние сегменты. Поправил труп, а потом заморгал, уставившись на шею Мануэля Торреса. На ней под основанием черепа зияла открытая рана: был вырван большой кусок плоти.

Как он мог пропустить такую заметную рану во время предварительного осмотра?

Брэд покачал головой, смущенный своим недосмотром, и подробно описал повреждение, тщательно измерив его длину и ширину. Вокруг раны образовалась засохшая корка – крошащаяся розоватая субстанция, которую он тщательно собрал и положил на стекло, отложив для дальнейшего осмотра.

Брэд уже знал состав этой субстанции. Он уже видел ее раньше на губах и прикушенных языках людей, испытавших эпилептические припадки. Кровь и слюна.

Врач нахмурился. Это сочетание не было таким уж уникальным, но он никогда не обнаруживал его в таком количестве и в таком странном месте, как это рана сзади на шее. Весьма необычно.

Брэд тщательнее всмотрелся в рану. Кожа вокруг нее была настолько сухой, что трудно было быть в чем-то уверенным, но коронеру показалось, что он видит отпечатки зубов на коже.

Человеческие зубы. У него у самого вдруг пересохло во рту. Кровь и слюна.

Брэд снова почувствовал озноб, страх вернулся; он в спешке делал новые надрезы и диктовал все быстрее, стараясь ускорить процедуру. Коронер знал, как важно было обнаружить истинную причину смерти Мануэля Торреса, но сейчас ему просто хотелось как можно быстрее закончить проклятое вскрытие.

И он хотел покинуть здание еще до того, как наступит ночь.

Здания, окружавшие церковь, обветшали до такой степени, что их трудно было считать пригодными для жилья. Штукатурка на стенах крошечных домиков отслаивалась и осыпалась, и было видно, сколько раз их перекрашивали. Спрессованная почва была засыпана блестящими осколками разбитых бутылок. В соседнем здании, окна которого закрывала обвисшая сетка на скособоченных деревянных каркасах, а над дверью красовалась выцветшая вывеска «Клуб Южного Финикса», несколько темнокожих мужчин в белых футболках и с цветными значками, сообщавшими об их принадлежности к различным гангстерским шайкам, неподвижно стояли в дверном проеме.

Пастор Уиллер не обращал внимания ни на сам район, ни на его обитателей. Его внимание было сосредоточено исключительно на церкви, находившейся перед ним, которая удивительно хорошо сохранилась, учитывая ее возраст и район, где она находилась. Это была не самая красивая церковь из тех, что он видел: приземистая, с плоской крышей, в окнах нет витражей, скорее напоминает здание какого-то правительственного учреждения, чем молельный дом. Но ее можно легко перевезти на другое место и достроить. В данный момент церковью владела Первая южная баптистская община, но земля, на которой она располагалась, принадлежала застройщику из Сиэтла, и он собирался снести весь квартал и построить на его месте многоквартирный комплекс. Несмотря на все просьбы, молитвы и петиции, застройщик дал баптистам всего два месяца на поиски нового места для их церкви, а это была практически неразрешимая задача.

Хотя многие жители Южного Финикса были баптистами, мало кто из них смог бы пожертвовать деньги, необходимые для спасения здания, и пастор обратился в Совет по строительству церковных зданий штата Аризона с предложением отдать здание любой конгрегации,

способной оплатить расходы по его перемещению. Пастор-баптист договорился с методистами о том, что они разрешат ему проповедовать в их церкви вечером в воскресенье после окончания их собственной службы, но он все еще хотел сохранить свою старую церковь. И Уиллер был готов это сделать.

Слава Господу.

Вчера Уиллеру позвонил председатель АСХЦ – Американского совета христианских церквей. Примерно год назад Уиллер послал туда запрос о помощи для строительства своей церкви. Это было еще до того, как он самостоятельно заключил договор с пресвитерианцами в Рио-Верди, и ответа так и не получил. Уиллер решил, что Совет отверг его запрос, и забыл о нем.

Это была рука Господа, понял он. Господь заботился о том, чтобы его молитвенный дом был завершен вовремя и был таким, каким Он его желал видеть. Господь хотел, чтобы он возвел это здание.

И церковь была безукоризненной. Конечно, ее нельзя было назвать красивой, но это плоское здание удачно дополнит его уютную часовню в Рио-Верди, и вместе эти два объединенных здания послужат основой для нового дома Господа, которое Иисус велел ему возвести.

Уиллер посмотрел на Пола Дейвиса, координатора АСХЦ, сопровождавшего его для осмотра здания.

– Она отлично нам подходит, мы берем ее, – сказал он.

– И вы даже не хотите заглянуть внутрь? – спросил Дейвис.

Уиллер улыбнулся.

– Нет.

– Как хотите. Я уже побывал внутри, чтобы осмотреть ее конструкцию, и не думаю, что перевозка создаст какие-то проблемы. Она была построена в пятидесятых годах и собрана из отдельных секций. Мы ее разберем и перевезем на двух грузовых платформах. Единственной проблемой может оказаться отсутствие фундамента на вашей площадке в Рио-Верди. Здесь она стоит на усиленном бетонном фундаменте, и вам нужно подготовить нечто подобное, а также подвести воду и канализацию.

Уиллер продолжал улыбаться.

– Мы обустроим здание, как только оно окажется на месте. Мы обо всем позаботимся. Все, что вам нужно сделать, – перевезти его.

Дейвис кивнул, хотя было видно, что ему не по себе.

– Если вы не против, зачем вам здесь два церковных здания? Вряд ли у вас большая конгрегация в этом маленьком городке.

– Я не стану отвечать, – сказал Уиллер.

Он отвернулся от Дейвиса и теперь рассматривал окрестности церкви. Увидел надписи на стенах, мусор и другие знакомые и безошибочные признаки трущоб. Пастору были знакомы подобные места. Он начинал свою карьеру проповедника в похожем районе в бедной части Далласа, хотя там преобладало латиноамериканское население, а не темнокожее.

Не то чтобы это было для него важно: все они были мусором в глазах Господа.

Уиллер приехал в Даллас совсем молодым: двадцатидвухлетним, не прошедшим еще школы жизни и испытаний, неопытным, и всему учился на практике. Сначала он проповедовал, стоя на скамейке на автобусной остановке, находившейся на перекрестке, а потом соорудил самодельную переносную трибуну. Сначала он вызывал любопытство, потом насмешки, а в итоге вызвал интерес. Люди начали слушать то, что говорил Уиллер. Он проповедовал им, и многих обратил к Господу, хотя, по правде говоря, никогда не любил своих последователей. Часто он задумывался о том, почему. Нельзя сказать, что этот вопрос мешал ему спать по ночам: его целью было просвещать, а не дружить, и все же ему хотелось понять, почему ему не доставляет радости обращение этих язычников. Почему он не получал удовольствия,

вернув в лоно церкви очередную заблудшую душу? На самом деле ему было все равно, верят эти люди или нет, хотя он никогда этого не показывал. В самом деле, Уиллер очень хорошо научился скрывать свои подлинные чувства, когда проповедовал на кафедре, умело маскируя свое отвращение к этим грязным и невежественным дикарям.

Поразмышляв, он понял со временем, что эти люди были нужны просто для практики: Господь снабдил его этими теплыми телами, чтобы он отточил свои навыки и таланты, а потом использовал их для воистину достойных.

Большая часть его нынешней паствы были достойными. О да, среди них были несколько таких, кто не воссоединится с остальными в небесном царстве. Таз Пеннеман, несмотря на все его добрые дела, оставался нераскаявшимся язычником. И Уиллер не любил Мэри Гейл, всегда глядевшую на него похотливым взглядом шлюхи. Она будет гореть в аду. Мардж Хоуи...

– На что это ты пялишься, ублюдок?

Уиллер моргнул и пригляделся. Крупный и толстый темнокожий мужчина враждебно уставился на него, стоя в дверном проеме соседнего дома – маленькой деревянной халупы, выкрашенной в вызывающий розовый цвет. Уиллер не знал, что смотрел на этого человека, и быстро отвел взгляд.

– Вонючий ублюдок! – снова прорычал темнокожий мужчина.

Уиллер улыбнулся и ничего не сказал. Вся эта часть города будет разрушена, когда Господь наш Иисус Христос установит Свое царствие на Земле. Все будет снесено и выполото, засеяно семенами добродетели и заселено праведниками: людьми, понимающими учение Господа и богобоязненными.

Уиллер знал: в этом был корень проблемы. Недостаточно людей, испытывавших страх перед Господом. Даже многие так называемые христиане в эти дни воспринимали Господа как какого-то великодушного хиппи, с доброй улыбкой наблюдающего за всеми их людскими затеями. Эти мужчины и женщины отошли от Священного Писания, их восприятие Господа было отравлено богопротивными рассуждениями сладкоречивых либеральных атеистов, но у них все еще хватало дерзости объявлять себя верующими. Они забыли о том, что Господь был великим и внушающим ужас Богом, способным сурово наказать за прегрешения. Их приучали думать, подобно католикам, будто Господь все им может простить, что они могут воровать, убивать, распутничать, богохульствовать, а потом попросить прощения, и все это будет забыто.

Его воспитывали по-другому.

Теперь Уиллер был этому рад, хотя раньше и не понимал пользы такого воспитания. В юности его сбили с толку ложные друзья, и он хотел верить их наивным и пустым рассуждениям, хотел верить в то, что может исповедаться в своих грехах Господу и будет прощен, или в то, что проступки юных вообще не интересуют Господа. Но отец вернул его на истинный путь, наставлял его и вбил в него страх перед Господом. Его отец понимал, что Господь не примет неудачников, грешников, преступников, что Он дал Своего сына миру как пример, чтобы показать, как можно жить на Земле и быть совершенным и безупречным человеческим существом, и его отец позаботился о том, чтобы и его сын это понял.

Даже если для этого требовалась плеть.

Его отец также позаботился о том, чтобы Уиллер с самого начала узнал правду о своей матери. Так что, хоть и никогда не видя матери, он всегда знал о ней и в точности знал, кем она была. Отец ему это объяснил. Много раз объяснял.

Его мать была шлюхой, проституткой, бесстыдной и распутной женщиной. Потаскуха. Одна из падших.

Она всегда была такой, рассказывал ему отец, даже когда он впервые ее встретил, но по глупости решил, будто сумеет обратить ее, заставить измениться. Его соблазнила поразительная красота этой женщины, ее нежный голос, спокойный и приветливый характер. Это

было единственной ошибкой в его безупречной жизни, которая могла помешать ему попасть на Небеса. Но он был готов на все, чтобы сын не повторил его ошибку.

Уиллер рос, зная, что его мать проклята и попадет в ад. Вообще-то большинство женщин попадают в ад. Отец помог ему это понять. Большинство женщин были безнравственными. Их интересовал только секс. Все, чего им хотелось, – утолить неугасимое пламя, таившееся у них между ног. Они, как животные, были рабами телесного вожделения.

Уиллер никогда не видел фотографий своей матери, пока не умер его отец, а когда он, наконец, узнал, как она выглядела, его удивило, что она была вовсе не похожа на коварную искуственницу, каковой ее изображал отец. Уиллер всегда думал, что она похожа на женщину-вамп, одну из этих пухлогубых распутниц, которые отираются возле баров на Седьмой улице: размалеванных девиц с огромными грудями в обтягивающих платьях, подчеркивающих округлости распутных тел. Вместо этого его мать выглядела как какая-то невзрачная библиотекарша – заурядная, обычная чуть полноватая женщина среднего возраста.

Он сжег эту фотографию, бросив ее в огонь вместе с пачкой перевязанных резинкой старых писем, которую обнаружил в ящике отцовского комода.

Никогда нельзя судить по внешности. Это была одна из вещей, которым Уиллера научил отец. Никогда не знаешь, *что* скрывается за внешностью, *что* люди прячут под своими масками, каковы они на самом деле изнутри. Это может видеть только Господь.

Но со временем Уиллер обнаружил: он научился видеть, что скрывается под маской, и заглядывать людям в душу, проникать сквозь фасад к их истинной сущности. Это был дар, которым наделил его Господь, награда за его заслуги в распространении Слова Божия.

А теперь Иисус удостоил его личного посещения. Это начало нового дня.

Уиллер снова посмотрел на церковь, а потом на Дейвиса, стоявшего рядом с ним. Координатор реставрации был одним из этих ложных христиан: маска благочестия и покорности скрывала проклятого гуманиста, каким он был на самом деле. Уиллер усмехнулся про себя, и на сердце у него потеплело. Этот мужчина скоро узнает свою подлинную цену.

Дейвис закончил вычисления на своем маленьком компьютере-наладоннике и поднял глаза на Уиллера.

– Самый ранний срок, когда мы сможем ее перевезти, – это следующая пятница, – сказал он.

Уиллер кивнул.

– Отлично, – сказал он улыбувшись, и добавил, продолжая кивать: – Следующая пятница – отлично.

По понедельникам ресторан был закрыт. Даже таким трудоголикам, как ее родители, был нужен день отдыха, день для себя, и поскольку они не могли отдыхать в субботу или воскресенье – это были два самых занятых дня недели, – они закрывали ресторан по понедельникам.

Это был день, когда Сью позволяла себе выспаться.

Теперь она лежала в кровати на боку, свернувшись калачиком, и глядела на висевшую на стене в рамке репродукцию картины Сарджента. Джон уже встал и собирался в школу. Она слышала, как он чистит зубы в ванной. Издалека, с кухни до нее доносился звон кастрюль и ритмичные отрывистые звуки голоса матери, пытавшейся подпевать радио.

Обычно ей нравилось полежать некоторое время после пробуждения, наслаждаясь мирным переходом от сна к бодрствованию; ее ум работал четко, потому что его ничто не отвлекало, пока тело все еще наслаждалось комфортом и дремало. Но сегодня она ощущала какое-то беспокойство, и у нее не получилось расслабиться и полежать под одеялом. Девушка села и потянулась. Оглядела свою комнату. Ее взгляд задержался на репродукциях картин импрессионистов, висевших на стенах, на резном старинном комод, на прикроватной тумбочке, покрытой кружевной салфеткой. Ее комната более чем что-либо иное подчеркивала и сим-

волизировала различия между ней и остальными членами ее семьи. Сю украсила комнату в соответствии со своими собственными, самостоятельно приобретенными эстетическими стандартами, на которые повлияли прочитанные ею книги и просмотренные фильмы. Остальные комнаты дома были заполнены подушками и ковриками кричащих цветов, поддельным резным нефритом и безвкусными фигурками Будды. Все это была дешевая имитация китайской культуры, приобретенная в сувенирных магазинах, предназначенных для американских туристов, но с энтузиазмом покупавшаяся ее родителями.

Ее комната была другой.

Если бы реинкарнация душ существовала, думала Сю, то в предыдущей жизни она была английской женщиной викторианской эпохи.

Встав с кровати, девушка подошла к шкафу с одеждой. Она еще не решила, что будет делать сегодня. Ей казалось, будто она что-то планировала – по крайней мере, у нее было такое чувство, – но, как ни старалась, не могла ничего вспомнить.

Девушка сняла свой халат с крючка на двери кладовки и надела его.

Родители обычно использовали этот день для поездок за покупками и работы по дому. Сю же читала, смотрела телевизор или сама отправлялась за покупками, хотя всегда испытывала чувство вины из-за того, что не делает ничего полезного. Через два года после окончания школы она все еще не привыкла к тому, что у нее появилось настоящее свободное время и ей не нужно больше делать домашних заданий или проектов, срок сдачи которых уже подошел.

Ей все еще хотелось над чем-нибудь работать, и она пыталась писать, рисовать, творить, но вместо этого позволяла себе лениться и целый день ничего не делала, а просто сидела дома.

Такой ли была жизнь большинства людей? Плыть по течению и просто существовать? Все это казалось бессмысленным и бесполезным. Сю так старалась добиться успехов в школе, училась, получала хорошие оценки – и что ей это дало?

Ее мама крикнула на китайском Джону, чтобы он шел завтракать.

Сю также направилась по коридору в кухню и столкнулась с братом по пути.

– Смотри, куда идешь, тормоз, – сказал тот, толкнув сестру бедром.

– Отстань, – ответила она ему.

Они зашли в гостиную. На столе уже стояли три миски. Мать, очевидно предполагавшая, что Сю будет долго спать, удивилась, увидев девушку, но поспешила на кухню и принесла еще одну миску.

– А что с бабушкой? – спросила Сю на китайском. – Она разве не будет с нами завтракать?

– Бабушка плохо себя чувствует, – ответила мать, поставив миску на стол. Она ограничилась лишь этим кратким ответом и сразу вернулась на кухню.

Это встревожило Сю. Обычно, если бабушка болела, ее мать подробно рассказывала о природе ее недомоганий. Молчание матери встревожило Сю, и она все время думала о том, что бормотала бабушка вчера вечером, перед тем как побрела спать.

Вэй.

Плохо.

Сю тогда не поняла, что имела в виду ее бабушка – болезнь или зло, но не переспросила. Ей вчера не хотелось этого знать. Но она подозревала, что старушка имела в виду не физическую болезнь. Последние несколько дней после того, как в овраге нашли механика, бабушка была встревоженной и озабоченной и проводила больше времени, чем обычно, в своей комнате, а когда говорила с близкими, то намекала на дурные предзнаменования. Хотя Сю скептически относилась к суевериям своей бабушки, ее также немного пугало то, что старушка называла *ди лю ган* – шестым чувством.

У Сю никогда не было удовлетворительного объяснения того, каким образом ее бабушка могла предсказывать, когда пойдет дождь, если даже метеорологи не знали этого, или как она

могла с удивительной точностью предсказывать смерть родственников, живших очень далеко от них. Еще меньше ей нравились упоминания бабушкой духов и *имо* – демонов.

Девушка продолжала стоять, а Джон сел. Ее отец уже занял свое место во главе стола, но пока ничего не говорил, и ни Сю, ни Джон не решались заговорить с ним. Отец не был «жаворонком» и, хотя всегда вставал рано, редко говорил до завтрака и никогда до того, как выпивал свою первую утреннюю чашку чая. Он предпочитал сидеть в молчании и слушать новости по радио, а по четвергам – читать газету.

Глядя на раздраженно уставившегося куда-то в пространство отца, Сю задумалась о том, говорил ли он с ее матерью перед завтраком, или они просто просыпались по звонку будильника, молча вставали с постели и одевались, не проронив друг другу ни слова.

Это была грустная мысль, и она постаралась прогнать ее.

Джон барабанил по столу вилкой и ложкой, пока ждал завтрак, выстукивая ритм какой-то роковой или рэперской песни, которая ему вспомнилась. Сю зашла в кухню, чтобы узнать, не нужно ли помочь матери с едой. Та как раз заканчивала перекладывать жареный рис со сковороды на блюдо. Она сказала, чтобы Сю сняла чайник с плиты. Девушка взяла чайник, а мать – блюдо, и обе они пошли в гостиную.

Джон посмотрел на них, нахмурился, когда мать поставила блюдо на стол, и отложил свою вилку и ложку.

– Почему у нас никогда не бывает нормальной еды на завтрак? – спросил он на английском.

Отец строго взглянул на него.

– Ешь!

– Я хочу блинов или чего-нибудь еще. Я не хочу риса. Мы едим рис каждый день. Меня от него тошнит.

– Джон... – предупредила его Сю.

Но спор уже начался. Мать присоединилась к отцу, читавшему Джону лекцию о питании, и назвала сына непочтительным и неблагодарным. Спор шел на двух языках: родители говорили на китайском, а брат Сю отвечал им на английском, чтобы досадить.

– Когда мне исполнится восемнадцать, – сказал Джон, – у меня будет серьга.

– Нет. Замолчи и ешь.

Джон съехал на своем стуле. Сю ничего не сказала и положила себе на тарелку жареного риса. Она беспокоилась о своем брате. Сейчас он был еще молод и выказывал уважение своим родителям, но он в гораздо большей степени американизировался, чем даже она сама, и родителям было трудно его понимать. Следующие несколько лет окажутся для них еще труднее. Брат хотел делать то же, что и его друзья, он будет роптать и сопротивляться ограничениям, которые родители станут ему навязывать. Вот что беспокоило ее. Джон легко поддавался влиянию, он очень хотел быть своим среди сверстников, его слишком сильно беспокоило то, что они думают о нем. Сю также разрывалась между двумя культурами и не чувствовала в полной мере свою принадлежность ни к одной из них, но она была достаточно уверена в себе, чтобы делать то, что сама считала правильным, и никогда не поддавалась влиянию сверстников. Джон был иным.

– Это означает, – тихо прошептал он, – что, когда мне исполнится восемнадцать, я уйду из дома.

Никто из родителей его не расслышал, и Сю не стала привлекать их внимания к его словам, не желая еще более обострять ситуацию.

Джон быстро закончил есть, без разрешения встал из-за стола, отодвинул стул и сказал:

– Мне нужно успеть на автобус.

Он побежал по коридору к своей спальне, собрал книги и через пару секунд исчез, крикнув:

– До свидания!

Хлопнула закрывшаяся дверь.

Отец что-то пробормотал себе под нос на китайском.

Мать закончила завтракать и отнесла свою миску и миску Джона на кухню. Через минуту зазвонил телефон, и Сю услышала, что мать сняла трубку.

– Алло?... – Она на секунду замолчала. – Сюю!

– Иду! – Девушка отодвинула стул, поспешила на кухню и взяла телефонную трубку у матери.

– Сюю, это я.

– Джанин?

– Да. Моя машина сегодня утром сломалась, а мне нужно быть через пять минут на работе. – Голос подруги был взволнованным, и в нем слышались панические нотки. – Я позвонила Шелли, но ее мать сказала, что ее нет дома. Ты могла бы попросить машину у твоего отца и подбросить меня?

– Конечно. Я приеду через пару минут. Где ты? Дома?

– Да.

– Хорошо, я сейчас приеду.

Она спросила у родителей, можно ли ей взять машину, чтобы отвести Джанин на работу. Отец разрешил, а мать стала возражать, ссылаясь на то, что им нужно ехать за покупками. Сюю объяснила, что вернется домой через десять минут, за два часа до открытия магазинов.

– Ключи от машины на комод, – сказал ей отец.

До того, как ее мать успела сказать хоть слово, Сюю поспешила в свою комнату, надела джинсы и футболку, забрала ключи из комнаты родителей и побежала в гараж.

Джанин работала на ранчо «Рокинг Ди», приспособленном для приема туристов, которое находилось у подножия холма Паундкейк. Там обычно жили богатые парочки, приезжавшие из долины реки Колорадо или других штатов, которым нравилось притворяться неделю или пару выходных, будто они живут на Старом Западе.

Старый Запад с плавательными бассейнами и кабельным телевидением...

Ранчо «Рокинг Ди» было единственным предметом гордости Рио-Верди. Этот четырехзвездный курорт был построен в 1950-х годах гостиничным магнатом с Востока, которого соблазнили купить участок земли в Рио-Верди, хотя он даже не взглянул на него.

Решительно настроенный превратить кислый лимон во вкусный лимонад, магнат построил «Рокинг Ди», а потом разместил рекламу своего «ранчо для гостей» в таких необычных для туристской индустрии журналах, как «Нэшнл джиографик» и «Современный конный спорт». Его стратегия сработала, и, хотя городок Рио-Верди находился слишком далеко от цивилизации, чтобы превратиться в курортную Мекку, ранчо «Рокинг Ди» стабильно приносило прибыль. Его реклама все еще периодически появлялась на TBS и других кабельных телеканалах, хотя в последние пару лет для ранчо, как и для всего городка, настали трудные времена, и большую часть бизнеса у него перехватили конкуренты – ранчо «Скотсдейл» и «Лафлин».

Джанин уже ждала перед своим домом, одетая в ковбойскую униформу, и нервно постукивала по сумке, висевшей у бедра, когда подъехала Сюю. Она открыла дверь и запрыгнула в машину, когда Сюю еще не успела остановиться.

– Почему ты так торопишься? Мы успеем.

– Да, но мне нужно обязательно приехать вовремя. Я на прошлой неделе уже один раз опоздала, а моего начальника ну никак нельзя назвать лучшим другом.

Сюю развернулась в тупике и поехала по направлению к шоссе. Они проехали перекресток, на котором трое бедно одетых младшеклассников ждали школьный автобус.

– У тебя сохранилось расписание занятий колледжа Пуэбло? – спросила Сюю.

Джанин пожала плечами.

– Думаю, что да.

– Я собираюсь посетить несколько учебных курсов в этом семестре. А занятия начинаются на следующей неделе.

– Тебе придется так далеко ездить, в Глоуб?

– Нет, конечно. У них есть дополнительные вечерние занятия в школе в будние дни. Разве ты не читала расписание?

Джанин покачала головой.

– Нет. Но это неважно. Я все равно не буду больше учиться. Я уже покончила с этим дерьмом. Я себе пообещала в день окончания школы, что в класс больше ни ногой.

Сью улыбнулась, но ничего не сказала. Чувства подруги были ей знакомы – большинство ее бывших одноклассников считали так же, но сама она думала, что это весьма недалековидная позиция. Оценки за дополнительные курсы засчитывались в Университете штата Аризона, в Университете Северной Аризоны и в большинстве двухгодичных колледжей штата. Пока выбор предметов был невелик, но со временем он расширится, и девушка знала, что может набрать достаточно сданных курсов, чтобы получить диплом колледжа, не покидая Рио-Верди.

Конечно, она всегда планировала учиться в колледже. Того же желали и ее родители, но у них просто не было для этого денег. Она получила две небольшие стипендии за свои учебные успехи и высокие выпускные баллы: одну – от Университета штата Аризона, а другую – от колледжа Питцер в Калифорнии, но они могли покрыть только половину расходов на обучение. В обоих случаях вторую половину ей пришлось бы платить самой; кроме того, были нужны деньги на учебники, еду, проживание и транспортные расходы. По совету ее школьного консультанта она подала заявление на учебный кредит, но последние несколько лет федеральное правительство и правительство штатов сокращали финансирование на эти цели, и Сью получила отказ. Когда она позвонила в Отдел финансовой помощи Университета штата Аризона, чтобы узнать причину отказа, ей сказали, что у ее родителей слишком много собственности. Родителям принадлежали и их дом, и ресторан, и, хотя семья каждый месяц еле-еле сводила концы с концами, на бумаге сумма их активов превышала 100 тысяч долларов, поэтому девушка не могла претендовать на финансовую помощь.

Последние два года она делала все возможное, чтобы скопить деньги на учебу: жила дома с родителями, работала полный рабочий день, отказывала себе в развлечениях – лишь иногда выбиралась в кино; но, хотя сама она по-прежнему хотела учиться, приоритеты ее родителей изменились. Теперь они смотрели на колледж как на такое место, где она может найти хорошего мужа.

Джанин посмотрела на нее.

– Вечерние занятия, но... – Она не договорила свою фразу.

– Я не хочу об этом думать, – мгновенно ответила Сью.

Джанин поежилась.

– Они сказали, что в его теле совсем не было крови. Будто ее высосал вампир или что-то в этом роде.

– Веселая мысль, чтобы начать день.

– Ну, ты сама начала.

– Нет, не я. Ты. Я просто сказала, что хочу посещать несколько курсов.

– Ну, вот почему мне нужно успеть вовремя. Не хочу, чтобы меня перевели в ночную смену. Я готова даже какое-то время подлизываться к начальству, но мне не хочется работать одной за этим прилавком посреди ночи. Во всяком случае, пока какой-то сумасшедший слоняется в округе.

Сью свернула с шоссе 370 на дорогу к «Рокинг Ди» и взглянула на часы. Джанин могла опоздать на минуту, не более того.

– Тебя подвезти домой сегодня вечером? – спросила Сью подругу.

Джанин отрицательно покачала головой.

– Меня кто-нибудь подвезет.

– Ты уверена?

– Да. Спасибо, что подвезла. Ты меня просто спасла.

Сью остановилась на парковке перед домом в стиле ранчо, служившим вестибюлем. Она взглянула на стилизованные под Дикий Запад здания и на фальшивые валуны вокруг плавательных бассейнов. Ее всегда удивляло, что люди из других городов могут платить бешеные деньги, чтобы провести несколько дней здесь, в Рио-Верди. Она бы скорее заплатила за то, чтобы уехать из городка хотя бы на несколько дней.

– Что ты делаешь в пятницу? – спросила ее Джанин, выходя из машины.

– У меня пока нет планов. А что?

– Давай тогда придумаем что-нибудь. Может быть, сходим в кино?

– Звучит привлекательно, – сказала Сью. – Позвони мне.

– Хорошо, попозже.

Сью видела, как подруга поднялась по ступенькам на крыльцо ранчо, потом отвернулась, включила передачу и поехала домой.

На благотворительной распродаже было много поношенного нижнего белья, и Софокл Джонсон все его скупил.

Обычно они одежду сортировали по цвету – голубое с голубым, белое с белым, бежевое с бежевым, – но нижнее белье все было перемешано, без всякого внимания к цветам и фасонам, и Софокл просто снимал все подряд с вешалки, даже не пытаясь проверить, в каком состоянии белье. Многие женские трусики и пояса были, вероятно, грязными и поношенными, а мужские трусы заляпаны пятнами, но его это не волновало. Он повесил все белье себе на руку и прошел по проходу мимо полной женщины, от которой исходил сильный и неприятный запах, потом подошел к прилавку и наконец свалил всю свою добычу на растрескавшееся и заклеенное скотчем стекло у кассы. Пожилая женщина-кассир посмотрела на него с удивлением и даже с испугом, но он не стал объяснять или намекать ей, зачем ему все это белье, и молча стоял, наблюдая за тем, как меняются цифры в окошке кассового аппарата.

– Девяносто пять, – сказала женщина.

Он заплатил, не проронив ни звука, подождал, пока продавец складывал купленное им нижнее белье в большой пластиковый пакет, а потом вышел из магазина и понес пакет к машине. Ухмыляясь, гордый собой, проехал через городок и вернулся в банк. Он опоздал: официальный обеденный перерыв закончился двадцать минут назад, но это не имело значения. Это было одним из преимуществ должности президента. Он мог сам устанавливать правила, и ему необязательно было им следовать.

Софокл припарковался около банка рядом с банкоматом и забрал мешок с покупками с пассажирского сиденья. Мешок во время поездки раскрылся, и он чувствовал запах белья, одновременно раздражающий и успокаивающий. Софокл вышел из машины, захлопнул дверцу и, забросив мешок на плечо, захихикал, потому что это делало его похожим на Санта-Клауса.

Он и будет в чем-то на него похож. По крайней мере, для своих подчиненных.

Нет, для его подданных. Раз он был президентом – они были его подданными.

Софокл вошел в главную дверь банка и прошел через вестибюль – все еще с мешком на плече. Кивнул Сьюзен Ричман, занимавшейся обслуживанием клиентов, и поздоровался с Тамитой Уокер, дежурным кассиром. Он все еще ухмылялся, не в силах сдержать улыбку.

Софокл чувствовал себя отлично, был так горд собой, так воодушевлен, так счастлив. Было очень трудно держать такой план в секрете, не разболтать его ни одной душе в этом здании, но он сумел сдержаться и добрался до своего кабинета, ничего не уронив и не потеряв.

Затем закрыл и запер за собой дверь. Нажав кнопку интеркома на своем телефоне, сказал Мардж Норсон, чтобы она не соединяла его ни с кем и не пускала посетителей: он не хочет, чтобы его беспокоили.

Софокл тяжело дышал. Это был его проект. Он потребует несколько дней, может быть, целую неделю, но Софокл проследит, чтобы проект был завершен.

Он вывалил содержимое пакета на пол своего кабинета, достал набор для шитья из ящика своего письменного стола и принялся за работу.

Президент банка сшил из нижнего белья униформу для кассиров и сотрудников кредитного отдела – для всех работников банка.

Он не стал стирать или красить белье – просто сшивал, как придется, нейлон с хлопком, хлопок с шелком. Хотя он называл сшитую им одежду «униформой», в реальности на униформу она не была похожа. Если два предмета нижнего белья и подходили чем-то друг к другу, это получилось совершенно случайно. У него не было никакого плана или модели – он сшивал то, что попадалось под руку. Результат, Софокл должен был это признать, получился впечатляющим. До того он ни разу в жизни не держал в руках нитку или иголку и сейчас подумал о том, чего мог бы достигнуть, если бы обучался шитью у профессионального наставника.

Софокл вешал законченную униформу на плечики, а плечики – на гвоздики, которые вбил в стену за своим письменным столом. Даже у знаменитого модельера Боба Маки так хорошо не получилось бы. Униформы были чудом победы стиля над материалом; каждая из них сохраняла суть бюстгалтеров, трусиков или поясов, из которых была сконструирована, но каким-то образом преодолевала оковы своего скромного происхождения, превратившись в уникальный, стильный костюм для банка.

Софокл не имел ни малейшего представления о том, подходят ли созданные им униформы по размеру сотрудникам, но это его не волновало. Это не имело значения. Работники подгонят свои размеры к одежде – поправятся или похудеют, если будет нужно, обуют туфли на платформе или, наоборот, на плоской подошве, а если не смогут или не захотят – найдутся другие работники.

Все было возможно. Все, что угодно, могло произойти. Все, что угодно. Софокл понял это прошлой ночью. Он находился в пустыне со своим телескопом и ждал начала метеоритного дождя.

Когда он увидел Иисуса.

Когда он увидел Иисуса, целующего Мануэля Торреса.

Софокл поднял глаза от униформы, над которой трудился, почувствовав какой-то дискомфорт. Им овладело неприятное ощущение, будто он что-то забыл или сделал что-то не так. Софокл нахмурился, стараясь поймать мысль, вспомнить. Потом увидел свое рукоделие, висевшее на плечиках на стене, и снова расслабился, убедившись, что с окружающим миром все в порядке.

Снаружи было темно, и часы над его столом показывали, что уже десять тридцать, но он пока еще не устал. Софокл взял из кучи нижнего белья мужскую майку и трусы. Он мог продолжать шить часами. Он без проблем может работать и после полуночи. Возможно, до утренней зари.

Президент банка ухмыльнулся. Если повезет, он закончит шить униформы к пятнице.

Дверь в палату городского совета была открыта, когда Роберт проходил мимо, и он, на секунду остановившись, заглянул внутрь. В комнате было темно, ее освещал только тусклый свет ламп, находившихся на потолке над креслами членов совета; галерея была погружена в сумрак, как и проходы вдоль стен. Было что-то пугающее в этих освещенных пустых креслах, стоявших вокруг высокого круглого стола, и Роберт почувствовал, как холодные мурашки побежали по его шее. Он ускорил шаг, не оглядываясь.

Роберт раньше сотни раз проходил мимо палаты городского совета в такие вечера и никогда о ней не задумывался, но сегодня все было по-другому. Сегодня все казалось пугающим.

Отчасти это было связано с этим проклятым отчетом о вскрытии. Мысли о нем преследовали его уже второй день, с тех пор как он получил отчет.

Вудс объявлял официальной причиной смерти, если перевести его заключение на обычный язык, обескровливание, или «полную потерю крови», но обстоятельства, с которыми была связана эта потеря, были пугающими. Из трупа Мануэля Торреса были удалены не только кровь, но и вода, спинномозговая жидкость, слюна, семенная жидкость и даже желчь, то есть все жидкости, производившиеся человеческим телом и сохранявшиеся в нем. И все эти жидкости были высосаны через единственное круглое отверстие на шее механика.

Именно слово «высосаны» они всячески старались обойти и боялись произносить. Это было, конечно, нелепо, но и ужасно до крайности. Роберт расспросил коронера обо всем, что тот обнаружил, – в частности, о том, мог ли какой-то безумец высосать все эти жидкости, прижавшись губами к ране на шее покойного. Он знал, поскольку видел съезженное тело Мануэля, что это нелепая и абсурдная идея, но Вудс ответил на вопрос серьезно. Да, это возможно, если использовать достаточно мощный насос, чтобы выкачать жидкость через окружающие внутренние органы мембраны, но не слишком мощный, иначе все органы были бы разрушены. Коронер сообщил, что никогда не слышал о существовании подобного устройства; кроме того, было непонятно, как оно могло позволить добиться такого же результата, воздействуя на гораздо менее прочные телесные структуры найденных рядом с трупом мертвых животных.

Правда заключалась в том, что ни один из них совершенно не представлял, как такое могло случиться. Единственной «теорией», которая могла бы все объяснить, был вампиризм.

Но вампиров не существует.

Роберт озяб, хотя ночь и не была холодной. Короткие волоски на его затылке и сзади на шее стояли дыбом. Он был рад тому, что Тед дежурил сегодня. Ему не хотелось сейчас оказаться одному в здании полиции. Трусишка, сказал он самому себе, покачал головой и кисло улыбнулся, открывая стеклянную дверь.

Роберт Картер. Жалкий трусишка. Это было бы хорошим названием для его автобиографии.

Он вошел и кивнул Теду, сидевшему за стойкой.

– Как сегодня дела?

– Никак.

– Хорошо.

Тед встал и потянулся, выпрямив спину.

– Хотя... Мэри-Бет Виджил снова звонила. Она говорит, Майк так и не нашелся. – Роберт нахмурился.

– И что ты ей сказал?

– Сказал, что ей нужно подождать двадцать четыре часа, а потом написать запрос на поиски пропавшего человека. Она говорит, что уже прошло двенадцать часов.

– Черт.

Мэри-Бет звонила днем и сообщила им, что ее отец не вернулся из поездки на грузовике в Каса-Гранде. Он позвонил ей из закусочной «Дэйри Куин» в Каса-Гранде, перед тем как отправиться домой в Рио-Верди, и обещал, что будет дома через два часа. Когда прошло три с половиной часа, а он так и не приехал, Мэри-Бет позвонила в полицию. Они связались с Департаментом общественной безопасности, чтобы узнать, не было ли аварий на шоссе, но все было спокойно, и они решили, что Майк остановился у какой-то закусочной, чтобы съесть кусок пирога или просто справить малую нужду. Он иногда мог пропустить рюмочку в баре «У

Николь», а иногда – подобрать пассажиров и подвезти их за плату, когда оказывался совсем на мели.

Но на этот раз Роберт был обеспокоен. Это было не похоже на Майка – исчезнуть на такой длительный срок, никого не предупредив, где он находится; а особенно смущало, что он звонил дочери и сообщил, когда именно вернется.

– Ты звонил еще раз в департамент? – спросил он Теда.

Его заместитель утвердительно кивнул.

– Ни аварий, ни пробок. Их вертолет пролетел по всему маршруту примерно за час до заката.

Роберта снова зазнобило. Вероятно, эти эпизоды не были связаны, боже, он надеялся, что они не связаны, но он не мог не думать о том, что тот, кто убил Мануэля Торреса, все еще разгуливает на свободе.

Он представил Майка, лежащего на дне оврага, его скрюченное, съежившееся и обезвоженное тело. Беспокойство, видимо, отразилось на его лице, потому что Тед сочувственно посмотрел на него.

– Ты выглядишь измотанным.

– Да, – признал Роберт.

– Оправляйся домой и отдохни.

Роберт в знак несогласия покачал головой.

– Мы должны найти какие-нибудь ключи к этому убийству.

– Сегодня? Сегодня мы уже ничего не добьемся. Отправляйся домой.

Роберт провел рукой по волосам и посмотрел на своего заместителем. Внезапно на него навалилась безмерная усталость. Он потер рукой глаза и сказал:

– Ты прав. – Перегнулся через барьер и взял пачку форм, скрепленных резинкой. – Я выключу автоответчик, чтобы самому принимать звонки. Если позвонят из Департамента общественной безопасности или еще что-то всплывет – дай мне знать.

– Ладно.

Было уже поздно, и улицы опустели, когда Роберт ехал домой. Он миновал дом Рича и уже собирался, как обычно, посигналить ему, но заметил, что свет нигде в доме не горит, и понял, что брат и его домашние уже спят. Он свернул на улицу Сейджбраш, чувствуя себя одиноким. Луна уже взошла; она отражалась в окнах на фасадах всех домов на правой стороне улицы, и в ее тусклом голубоватом свете улицы выглядели пустынными и заброшенными, будто в каком-то призрачном городке.

Дорога сделала поворот у подножия холма – и началась пустыня. Дома здесь стояли дальше друг от друга, разделенные участками песка.

Во времена его родителей здесь почти никто не жил, и школьный автобус специально заезжал сюда, отклоняясь от основного маршрута, чтобы подобрать его и Рича. С тех пор появились новые дома, но этот район все еще был наименее населенной частью Рио-Верди, в котором кактусов насчитывалось гораздо больше, чем людей. Большую часть времени ему это нравилось: он мог включать свое стерео на полную катушку, не опасаясь побеспокоить своих соседей, или тренироваться в стрельбе в пустыне за домом, не опасаясь, что может попасть во что-то, кроме камней. Но иногда Роберт все-таки чувствовал свою изолированность от остального города, от остального мира; в такие минуты он думал, что вместо того, чтобы выкупать долю Рича, ему стоило продать родительский дом, и тогда они с братом оба переехали бы ближе к городку.

Он притормозил у своего почтового ящика и опустил стекло, проверяя, не пришла ли почта. Вытащил три счета, бросил их на пассажирское сиденье, потом проехал по старым мосткам через канаву и остановился на немощенной дорожке перед сараем для хранения инструментов.

Когда он входил, как всегда, в доме никого не было, и в безмолвной гостиной царил темнота. Он жил один уже дольше, чем был женат, но все-таки успел привыкнуть к некоторым обстоятельствам семейной жизни и скучал по ним.

Одним из них было возвращение в теплый и освещенный дом.

Роберт бросил ключи на кофейный столик и включил свет в гостиной, столовой и на кухне. В доме, как ему показалось, было тише, чем обычно. Роберт подошел к телевизору и включил его, чтобы слышать хотя бы какие-то звуки. На канале НВО показывали фильм, в котором полицейский детектив приглашал молодую симпатичную женщину зайти к нему домой.

Роберт добрался до кухни, достал пиво из холодильника и какое-то время стоял в дверном проеме и смотрел в телевизор. Он не мог вспомнить, когда в последний раз приглашал к себе женщину. Их было очень мало после Джули – потаскушки на одну ночь, которых он подцеплял в барах; но и тех он приводил домой скорее назло, а не для удовольствия, чтобы ему было чем ответить Джули, если когда-нибудь они снова будут вместе.

Однако они так и не воссоединились – вообще больше никогда не встречались после той последней встречи в суде, – и Роберт постепенно перестал приводить к себе домой девиц, поняв, что это бессмысленно.

Больше всего пугало то, что ему они были, в общем, не нужны. Секс напрочь исчез из его жизни, и это его нимало не беспокоило. Роберт даже не мог вспомнить, когда в последний раз трахался.

Он сел на диван в подавленном настроении.

Иногда его посещала мысль о том, а не тратит ли он свою жизнь понапрасну в Рио-Верди?

Роберт никогда не жил в каком-то другом месте, даже не выезжал за пределы Аризоны дольше, чем на несколько дней, и не знал, что это такое – жить в другом штате. Рич часто говорил Роберту, что ему повезло и что он не совершил такой же ошибки, как Рич, когда решил уехать. Но Роберт сомневался, что брат прав. Рич всегда был другим, всегда. Он и в тюрьме был бы счастлив, если бы там у него было достаточно книг для чтения. Сам Роберт, с другой стороны, жил в большей степени в реальном, а не в воображаемом мире, и ему для счастья были нужны реальные, материальные вещи.

Периодически он подумывал о том, чтобы уехать: собрать чемодан и двинуться в путь, никому ничего не сказав и не оглядываясь назад. Это была прекрасная мечта, но всего лишь мечта. Идея достаточно романтичная, чтобы привлекать его, но Роберт был практичен и понимал, что это не более чем фантазия. У него здесь были обязанности. Он не был никчемным человеком, которого никто не хватится. Он, черт возьми, был начальником полиции.

И где-то на свободе бродит убийца.

Вампир.

Роберт допил пиво и выбросил банку в мусорную корзину. И вспомнил, что обещал Теду отрубить автоответчик.

Протянув руку, он, не вставая с дивана, переключил телефон в ручной режим. Потом положил ноги на кофейный столик и пытался несколько минут смотреть телевизор, но, ощущая какое-то беспокойство, суетливо переключал каналы, не способный ни на чем сосредоточиться. Наконец встал и вышел на улицу.

Ночь была теплой; холодного ветерка, который дул по вечерам несколько предыдущих дней, сегодня не было. Роберт стоял на крыльце, облокотившись на перила, и смотрел на звезды. Были видны Венера, и Большая Медведица, и пояс Ориона, но из-за яркого света многие маленькие звезды скрывались в сумраке. Роберт перевел взгляд с неба на землю. На севере виднелась целая армия многоруких кактусов-сагуаро, выделявшихся на фоне слабого свечения городских огней. Он переступил с ноги на ногу; доски крыльца скрипнули, и поющие цикады на время смолкли. Из пустыни, с того направления, где высился пик Апачей, донесся отзвук

далекого воя койота – одиночный и зловещий звук, который, несмотря на то, что Роберт всю жизнь прожил в пустыне, все еще ассоциировался у него с фильмами ужасов.

Вампиры.

Он снова почувствовал озноб и, оглядевшись, понял, что из-за особенностей рельефа с крыльца ему не видны даже огни соседних домов. Снова раздался вой койота, далекий, но ясно различимый даже на фоне возобновившегося пения цикад.

Поежившись, Роберт вернулся в дом и запер за собой дверь.

Кори завезла Анну в детский сад, а потом зашла в видеосалон, чтобы вернуть кассеты, взятые напрокат на уикенд. Кассеты нужно было вернуть еще вчера, но ей почему-то не захотелось сделать это, и они сейчас лежали на заднем сиденье ее машины. Последние несколько дней у Кори было грустное и меланхолическое настроение, и, по правде говоря, ей вообще не хотелось ничего делать. Обычно, когда она впадала в депрессию, ей удавалось взбодриться, когда она читала Анне или играла с ней; но в последнее время, похоже, у нее постоянно было подавленное настроение, что бы она ни делала. И Кори не могла понять почему. Она было подумала, что это предменструальный синдром, но проверила свой календарь, и оказалось, что месячные у нее начнутся только дней через десять.

Это из-за Рича, решила Кори. Из-за их отношений. Они стали отдаляться друг от друга. Или скорее она стала отдаляться от него.

Рич оставался там, где и всегда, будто его удерживала прочная якорная цепь.

Проблема была в том, что она и сама никуда не двигалась.

Какое-то время у нее была идея вернуться к учебе и получить магистерскую степень. Кори даже подумывала о том, не завести ли ей с кем-нибудь роман. Но ей все не нравилось, все казалось неверным. Рич, конечно, не догадывался ни о чем. Он был так же счастлив, как всегда, забавляясь со своей маленькой газетой, писал статьи о хозяевах ранчо, получавших метан из конского навоза, и о миниатюрных старушках, когда-то встречавшихся с актерами, игравшими в малобюджетных фильмах. Кори не была уверена в том, действительно ли он считает свою работу важной, но знала, что Рич доволен ею. У него не было желания затевать что-то более амбициозное и становиться кем-то иным, кроме как хроникером скучной жизни обитателей этого заштатного городка. И он не хотел жить нигде, кроме Рио-Верди.

Ей же хотелось большего. Она знала это с самого начала, как только он привез ее впервые в этот городок, чтобы познакомить с братом. Кори старалась привыкнуть к этой дыре ради Рича. Она понимала, как много городок для него значит, как он ненавидит Калифорнию, и хотела, чтобы он был счастлив. Но, черт побери, она тоже заслуживала быть счастливой, и, возможно, пришло время, чтобы он пошел ради нее на небольшую жертву.

И ради Анны.

Кори не была уверена в том, чего бы ей хотелось для их дочери.

Она не была уверена также, что и Рич это четко представляет. Она понимала его аргументы о преступности, наркотиках и бандах в больших городах, но знала, что он понимает и ее аргументы о недостатках интеллектуальной среды в маленьких городках.

Кори вздохнула. Да уж, вот какими замечательными родителями они оказались. Суть в том, что она несчастлива. Настало время что-то менять. Даже если Кори и не знает, какие нужны перемены. Что-то в ее жизни должно измениться. Она чувствовала, как что-то давит и душит ее, хотя и не знала, что это было. Однако Кори понимала, что, если что-то в ближайшее время не пойдет по-другому, она не выдержит и сломается.

В последнее время Кори не раз задумывалась о том, что ей следует попытаться найти другую работу, уйти из газеты Рича и заняться чем-то своим. Она не говорила об этом мужу, но чем больше она об этом думала, тем разумнее ей это казалось. Новая работа не разрешит всех ее проблем, но это может быть шагом в правильном направлении.

Кори затормозила у пешеходного перехода перед зданием почты, ожидая, когда старик-ковбой перейдет дорогу, и глянула на плоскую пустыню, начинавшуюся там, где заканчивалась улица. Справа ей были видны не огороженные заборами задние дворы домов, расположенных на соседней улице; цветные рубашки и поношенное белое нижнее белье сушились на обвисших веревках; виднелись ржавые машины и их части, полузанесенные песком; на газонах, заросших давно не стриженной травой, валялись велосипеды и колеса.

Боже, какой безобразный городок... Безобразный умирающий городок. Несмотря на туристов, приезжавших в летние уикенды из Финикса и туристский комплекс-ранчо «Рокинг Ди», Рио-Верди медленно, но верно превращался в город-призрак. Он никогда не был процветающим деловым или культурным центром, но после того, как в 80-х закрылась шахта и многие жители потеряли работу, и так-то не слишком устойчивая экономика городка была разрушена. Рио-Верди не мог выжить благодаря лишь туризму, особенно туризму выходного дня, который только и был возможен в этой части штата; бизнес постепенно вымирал, и люди отправлялись в другие места в поисках работы. Только за последний год закрылись три магазина, и теперь на двухмильном участке делового центра городка было шесть пустующих зданий.

Старик-ковбой доковылял до тротуара, и Кори, надавив на педаль газа, поехала дальше. На следующем перекрестке она повернула налево на Центральную улицу, притормозила у детского сада и поставила машину на парковку у офиса газеты.

Она знала еще об одном моменте, вызывавшем у нее смутную неудовлетворенность и разочарование. Это было неясное интуитивное предчувствие, что приближается беда. Молодая женщина старалась не думать об этом и прогнать его. Это было какое-то странное и чуждое темное чувство, не имевшее отношения ни к Ричу, ни к ней самой, ни к их взаимоотношениям. Нечто масштабное, как землетрясение или война. И хотя Кори боялась задумываться об источнике этих сильных, но непонятных опасений, она подсознательно догадывалась, что эта угроза была как-то связана с ее личной неудовлетворенностью.

Женщина выключила зажигание, взяла свою сумочку с соседнего сиденья, вышла из машины, заперла ее и обошла здание, подойдя к его центральному входу. Войдя в здание, кивнула администратору.

– Как вы себя сегодня чувствуете, Кэрол?

Пожилая женщина улыбнулась.

– Пока еще слишком рано, чтобы я могла ответить. Спросите меня после обеда.

– А один из этих дней...

Кори улыбнулась собеседнице и обошла офисную перегородку, отделявшую ее стол от отдела новостей. Рич, как всегда, говорил по телефону и что-то яростно строчил в блокноте, который каким-то образом сумел обнаружить в кипе бумаг, висевшей на его столе. Он махнул ей, пожелав доброго утра, пока она ставила сумочку на свой рабочий стол, стоявший у противоположной стены. Обычно Кори садилась и сортировала свою почту, чтобы выяснить, нет ли каких-то интересных местных новостей для одной из колонок, которые редактировала; но сегодня она просто сидела и ждала, пока Рич закончит говорить по телефону.

Разглядывая отдел новостей – столы для фотомонтажа в его дальнем конце, принтер, установку для нанесения воска и сушильный аппарат, – Кори поняла, что ей смертельно надоело это место. На стенах висели одна цветная гравюра мексиканского художника Амадо Пеньи, аэрофотоснимок городка, два номера газеты в рамках и под стеклом, получившие дипломы ежегодного газетного конкурса Ассоциации новостей штата Аризона. Кори задумалась о том, почему она никогда не пыталась оставить свой след в этой комнате – хотя бы декорировать самой тот уголок, в котором стоял ее стол.

Возможно, потому, что она никогда не считала газету своей.

Защелкал и зашипел сканер полицейских радиочастот, стоявший на полке над столом Рича, который протянул руку и не глядя прибавил громкости, продолжая говорить по теле-

фону. Полицейский диспетчер прочитал список каких-то непонятных чисел и замолчал. Рич убавил громкость.

Через пару секунд он повесил трубку, и Кори подошла к его столу.

– Нам нужно поговорить, – сказала она, усаживаясь в кресло напротив мужа.

Он нахмурился.

– Что случилось?

Кори посмотрела на него, вздохнула и покачала головой.

– Рич, – сказала она, – я хочу найти работу.

– Что ты имеешь в виду? У тебя есть работа.

– Нет, настоящую работу, за которую мне будут платить. Я устала от необходимости экономить на каждой мелочи. Я устала есть только ту еду, которую мы покупаем на двойные купоны.

– Но мне нужен помощник, чтобы верстать и печатать колонки. Если ты найдешь другую работу, мне придется искать кого-то тебе на замену, и это обойдется нам еще дороже.

– Нет. Я буду работать полный рабочий день, а ты наймешь кого-нибудь на полдня. Тебе нужен помощник только на один-два дня в неделю. Кроме того, ты будешь преподавать. Это принесет дополнительный доход.

– А как насчет Анны?

– Она возвращается из садика в полдень. Ты можешь ее забирать, и она будет здесь, в газете, с тобой. Посмотрим. Это будет зависеть от моего расписания.

Рич покачал головой, не соглашаясь.

– Ну и какую работу ты думаешь найти? В Рио-Верди не наблюдается экономического бума. Ты думаешь, в городке есть вакансии для женщины, получившей степень в области гуманитарных наук?

Она выдержала его взгляд.

– Дело не в этом.

– А в чем?

– Я хочу найти другую работу. Не в газете. Не с тобой.

– Почему?

– Потому что если я не сделаю этого, то свихнусь.

Они уставились друг на друга. Рич первым прервал молчание, пожал плечами и взял свою ручку.

– Отлично.

Его тон был спокойным и слегка пренебрежительным, как будто он просто устал спорить с ней. Но по опыту Кори знала, что Рич эмоционально отстранится от своих близких на неделю или чуть дольше, будет говорить с ними, только если его о чем-то спросят, и большую часть времени станет прятаться в одиночестве в своем газетном логове и дуться на нее.

Именно сейчас это ее вполне устраивало.

Кори встала. С одной стороны, ей хотелось попытаться получше все ему объяснить, помочь ему понять, что она сейчас переживает, несмотря на то, что женщина и сама себя не понимала; но какая-то другая сторона ее личности хотела идти по пути наименьшего сопротивления, и именно она победила.

– Я думаю, что поиски стоит начать прямо сейчас.

– Сообщи мне, если что-то найдешь.

Она кивнула.

– Хорошо. И я заберу Анну из садика.

Кори подошла к своему столу и взяла сумочку. Она хотела просто выйти, сказав «до свидания», но что-то заставило молодую женщину остановиться. Она улыбнулась мужу.

– Мы все обсудим позже, ладно?

Рич уже что-то писал в своем блокноте и даже не поднял головы.

– Отлично. Как хочешь.

Она стояла и ждала чего-то, но было очевидно, что ничего не произойдет, и Кори пошла к двери.

– Удачи! – кивнула ей Кэрол, когда Кори выходила на улицу.

– Подождите секунду. Он только что вошел. – Стив прикрыл рукой трубку, пока Роберт входил в офис. – Шеф, звонит женщина, думающая, что она видела парня, убившего Торреса.

– Кто она?

– Я ее не знаю. Она сказала, что ее зовут Донна Сандоваль.

Роберт в удивлении приподнял брови.

– Я знаю Донну, – сказал он, обошел барьер и взял телефонную трубку у своего заместителя.

Шериф ожидал, что позвонит какая-нибудь напуганная старушка и в панике сообщит, что видела на своей улице какого-то незнакомого мужчину, – одна из тех благонамеренных помешанных пожилых дам, которым кажется, что они знают или видели подозреваемых во всех без исключения преступлениях.

Роберт совсем не ожидал звонка от кого-то вроде Донны Сандоваль, работавшей в банке «Ферст Интерстейт», женщины, как ему было известно, умной, вызывающей доверие, ответственной и полностью лишенной воображения.

Она была идеальным свидетелем.

Возможно, теперь дело сдвинется с мертвой точки.

– Аллю? – сказал он в трубку.

– Шеф Картер? Это Донна Сандоваль. Я... Я слышала о том, что случилось с мистером Торресом, и я думаю, что могла видеть мужчину, убившего его.

– В самом деле?

– Я видела мужчину, шедшего вместе с мистером Торресом в тот вечер, как раз перед тем, как его убили.

Пульс Роберта участился. Он нажал кнопку на телефоне и включил подсоединенный к телефону магнитофон.

– Я хочу записать наш разговор, Донна. Если вы не против, я оформлю это как ваше заявление, мы расшифруем и распечатаем текст, и вы сможете зайти и подписать его, когда вам будет удобно. Вы согласны?

– Конечно, почему нет.

– Хорошо. Пожалуйста, назовите мне ваше имя и адрес, а потом точно опишите, что вы видели.

– Меня зовут Донна Сандоваль. Я живу в доме номер пятьдесят пять по Джил-лейн. – Женщина откашлялась. – Вечером в прошлую пятницу около шести я ехала по Копперхед-роуд домой. Улица была пуста, но я заметила двух мужчин, идущих по тротуару от гаража Троя. Когда я подъехала ближе, то увидела, что это были мистер Торрес и еще один мужчина. Мистер Торрес... Не знаю, следует ли мне это говорить, я не хочу смешивать свои чувства с тем, что видела...

– Расскажите мне все. Позже мы решим, что важно, а что – нет.

– Мистер Торрес – по крайней мере, так мне показалось – нервничал. Вот почему я запомнила, что видела его. Он... как-то медленно шел и оглядывался через плечо, будто не хотел идти с тем, другим мужчиной. Мне показалось, что он хотел убежать.

– Как выглядел другой мужчина? Вам удалось его рассмотреть?

– Да, – женщина помолчала. – Рост около шести футов, вес – фунтов двести пятьдесят, и он хромотал. Густые усы, как у моржа, при этом совершенно лысый. Одет в джинсы и джинсовый же жилет на голое тело.

Они оба замолчали. Роберт знал, что магнитофон работает, но не понимал, что ему сказать. Он уставился на крышку своего стола, пока его надежды развеивались без следа.

Донна только что описала Колдуэлла Бурка – мужчину, обвиненного и осужденного за сексуальные приставания к ее дочери Шарлотте в 1979 году. Но была одна проблема. Бурк умер пять лет назад во время драки с поножовщиной в тюрьме штата во Флоренсе.

– Донна, – тихо сказал Роберт. – Вы знаете, кого только что описали?

Женщина пару секунд помолчала.

– Да, – сказала она. – Бурк мертв. Я это знаю. Просто рассказываю вам то, что видела. Я не утверждаю, будто это был Бурк, а всего лишь описываю мужчину, которого видела вместе с мистером Торресом.

– Было уже темно. Возможно, вы не разглядели.

– Они шли под уличным фонарем рядом с гаражом. Я была в очках. И все отлично видела.

Что-то было в тоне голоса Донны, какая-то достоверность и безыскусность ее рассказа, что снова вызвало у Роберта озноб, эхо тех эмоций, которые он испытал прошлой ночью. Шериф посмотрел на Стива, который с ожиданием глядел на него, прислушиваясь к их беседе.

– Вы видели, куда пошли эти двое?

– Нет. Они двигались на запад, удаляясь от гаража; я проехала мимо них и свернула на Джилла, чтобы ехать домой. Когда я услышала о том, что произошло, то подумала, что будет лучше, если я вам позвоню и расскажу о том, что видела, – вдруг это сможет вам помочь?

– Они направлялись к машине или грузовику? Возможно, вы видели какие-то незнакомые автомобили, припаркованные у гаража?

– Это все, что я видела. Все утро я ломала голову, стараясь вспомнить что-то еще, но больше ничего не припомнила.

– Вы заметили еще кого-то на улице в этом районе, кто, как и вы, мог что-то увидеть?

– Как я сказала, улица была пустой.

Донна помолчала, а когда заговорила снова, то почти шептала:

– Тот человек действительно так выглядел. Вот почему я все так отчетливо помню.

– А во что был одет мистер Торрес?

– На нем были джинсы и грязная футболка.

По спине у шефа полиции снова пробежал холодок. Именно так и был одет старик, когда они нашли его тело.

Роберт снова посмотрел на Стива, который с надеждой приподнял брови. Ему хотелось задать дополнительные вопросы, подробно обсудить все подробности истории Донны, но по ее тону Роберт понял, что такая попытка сейчас не даст результата. Он заедет к ней позже – возможно, сегодня днем, возможно, завтра утром – и поговорит лично.

– Я думаю, Донна, на сегодня достаточно, но мне может понадобится позже задать вам еще несколько вопросов. Где вам будет удобнее поговорить? Дома или в банке?

– И там, и там удобно.

– Тогда спасибо за ваш звонок. Я распечатаю ваше заявление. Возможно, добавлю туда информацию, которую вы мне сможете сообщить позже, и тогда нужно будет, чтобы вы пришли и поставили свою подпись, хорошо?

Он повесил трубку и прошел к своему столу.

– Что-то полезное? – спросил Стив.

– Трудно сказать.

– Ей можно доверять?

– Донна Сандоваль совершенно лишена воображения. – Роберт вздохнул. – Я думаю, она видела кого-то, но не верю, что это был тот, о ком она сообщила.

– Что это означает?

– Ты помнишь Колдуэлла Бурка?

Стив отрицательно покачал головой.

– Самое крупное преступление за время моей работы в полиции. Он был педофилом, и в семьдесят девятом году его отправили в тюрьму во Флоренсе за то, что он приставал к дочери Донны.

– Это его она видела с Торресом?

– Она так его описала. Но Бурка зарезали во время драки в тюремном дворе пять лет назад.

– Так вы думаете, что она видела какого-то парня с Торресом, не рассмотрела его и приписала ему внешность того педофила?

Роберт пожал плечами.

– Не знаю.

Он посмотрел в окно. Над холмами у горизонта висело несколько облаков, но в целом голубое небо было чистым и безоблачным. Грядет жаркий день.

– Какой у нас план?

Роберт на минуту задумался. Этим утром он хотел еще раз сходить в гараж Троя, а потом прошвырнуться по улице от гаража до оврага и проверить, не упустили ли они чего-то во время первоначального осмотра. Он пошлет Стива и, может быть, Теда помочь дорожной полиции искать Майка Виджила. Днем Роберт планировал тщательно обыскать овраг от начала до конца. Они осмотрели только участок, прилегающий к тому месту, где нашли тело, и у него было чувство, что они могли что-то упустить.

– Позвони Джаду и Бену, – сказал он. – Мне понадобится каждый человек. Я хочу, чтобы сегодня собрались все.

– Но у них сегодня выходной.

– Им его компенсируют.

Роберт посмотрел на Стива.

– Ты полагаешь, что убийство и пропажа человека – это недостаточные причины для изменения обычного рабочего графика?

– Я этого не говорил.

– Надеюсь. Иначе я посоветовал бы тебе уйти из полиции и попробовать поработать продавцом в магазине обуви.

Стив покорно улыбнулся.

– Нам нужно тщательно обыскать гараж, овраг и участок между ними. Я хочу, чтобы ты с Тедом помог полиции штата в поисках Виджила.

– Как нам поступить? Просто позвонить им и сказать, что мы приедем? В общем-то... Я не...

– Я позвоню Финну в Каса Гранде и скажу ему, что вы приедете туда около полудня.

– Спасибо.

– Не давайте этим парням командовать вами. Виджил – это наш пропавший человек. Они работают на нас.

– Понял.

Снова зазвонил телефон, и Стив ответил на звонок. Роберт слушал, что говорит его заместитель, и его снова зазнобило. Он подумал об отчете Вудса. Обескровливание.

Стив повесил трубку.

– Мужчина не назвал свое имя, но он говорит, что знает, кто вампир.

– Вампир... – повторил Роберт.

Стив кивнул.

– Это все становится довольно странным, – сказал он.

– Да. – Роберт положил ноги на стол и снова выглянул из окна. – Так и есть.

Дневная жара оказалась еще более невыносимой, чем ожидал Роберт. Он стоял в тени у западной стенки оврага и допивал из банки остатки своей кока-колы. Когда же это проклятое бабье лето закончится?

Он видел, как два полицейских медленно шли по дну оврага.

Было мало надежды, что на сыпучем песке мог сохраниться отпечаток ступни, но Роберт все же надеялся что-нибудь найти: нитку, зацепившуюся за ветку куста жожоба, прядь волос, вырванную в ходе борьбы... черт побери, хотя бы выброшенную обертку от жевательной резинки.

Но вампиры не жуют резинку.

Черт возьми, ему придется относиться к этому серьезно.

Они не нашли ничего нового в гараже, и осмотр мусора на обочинах дороги тоже ничего не дал. Роберт почти сразу отозвал людей с дороги, чтобы сосредоточить все усилия здесь. У него было инстинктивное предчувствие, что они могут найти в овраге какие-то улики. Мертвые животные, разложенные, как нимб, вокруг головы Торреса, подсказывали, что неверно было полагать, будто механика убили где-то в другом месте, а потом привезли его тело сюда – все произошло именно здесь, где не могло быть никаких свидетелей.

– Шеф! – Роберт посмотрел вверх и увидел Стю Тиберта, спешившего к нему из-за изгиба оврага; его ноги вязли в песке, и он, наклонившись вперед, двигался медленно, почти как персонаж из мультфильма. – Мы что-то нашли!

Роберт отошел от стенки оврага, поставил банку кока-колы на песок, чтобы подобрать ее на обратном пути, и направился к Стю, махнув Джаду, чтобы тот следовал за ним. Его ноги также вязли в песке, но он не обращал на это внимания.

– Что это?

– Мыши! Мертвые пустынные мыши! Они примерно в ста ярдах отсюда.

Роберт остановился и нахмурился.

– Мыши?

– Похоже, что они все обескровлены! Вам стоит пойти и посмотреть на это.

Роберт почувствовал тяжесть в желудке и неожиданно побелел, что не взял с собой Рича. Шеф полиции свернул вслед за Стю за поворот, Джад спешил вслед за ним. Впереди Роберт видел еще трех мужчин, столпившихся у осыпающейся восточной стенки оврага.

– Вон там!

Роберт, Стю и Джад дошли до места почти одновременно.

– Бен нашел их. – Стю показал на расщелину в стенке оврага. – Вон там.

Роберт посмотрел туда, куда показывал пальцем его заместитель. На дне уходящей вверх трещины лежали по всей ее длине двадцать или тридцать мертвых пустынных мышей. Они, очевидно, были полностью обескровлены и обезвожены. Их тела выглядели как меховые шарики, из которых выпустили воздух, а головки – как покрытые шерстью безглазые черепа. Вокруг верхней части тела каждой мыши располагались полукругом съездившиеся высохшие черные жуки.

– Вот ведь дерьмо, – вырвалось у Джада.

Второй мужчина посмотрел на Роберта.

– Что это означает, как вы думаете?

Роберт еще острее почувствовал тяжесть в желудке.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Поднимись-ка наверх и принеси камеру. И радио для Вудса. Я хочу, чтобы он увидел это.

Он пару секунд глядел на мертвых мышей с нимбами из дохлых жуков, а потом отвернулся.

Рич погасил свет, задернул шторы, запер офис и пошел к тыльной стороне здания, перебирая свою внушительную связку ключей в поисках ключа от пикапа. Солнце уже почти совсем село, и только половина его оранжевого диска висела над плоским краем облаков на западе, а земля, кактусы, здания и плоские холмы позади них были залиты янтарным светом, который придавал городку нереальный, «киношный» облик.

Рич стоял рядом с пикапом, сжимая пальцами ручку дверцы, и наблюдал за неспешным заходом солнца, зная, что, если наблюдать достаточно долго, он увидит, как белое небо над ним станет красным, а потом – пурпурным. Это было его любимое время дня – час сумрака, отделявший день ото дня.

Рич глубоко дышал.

Боже, он любил эту землю.

Особенно горизонт. Он любил горизонт. Стоя здесь, на парковке, он видел, как слегка загибается горизонт, сглаживая углы на севере, востоке и западе и скрадывая масштабы. Вдалеке за пустыней виднелась горная цепь, а перед ней маячили отдельные плоские холмы, но они казались лишь небольшими выпуклостями, как следы от срубленных сучьев на бревне, заметные, но недостаточно большие, чтобы повлиять на общее впечатление. Больше всего Ричу нравились открытые пространства. Здесь был простор, красивые виды; воздух – чистый, а небо – просто необъятное.

Это было первое, что он заметил, когда год после свадьбы они жили у родителей Кори в Калифорнии: небо казалось там таким маленьким. Там оно белое, а не голубое, и видны лишь его отдельные фрагменты между многоэтажными зданиями, коттеджами и деревьями. Даже в равнинных районах Лос-Анджелеса небо казалось низким – таким низким, что это вызывало клаустрофобию, – а не широким и необъятным, как в Аризоне. Рич никогда не говорил об этом Кори, но именно это стесненное пространство, невозможность по-настоящему вдохнуть полной грудью даже на улице вызывали у него столь сильное желание вернуться в Рио-Верди. Глупая причина для возвращения, полагал он, незрелая эмоциональная привязанность к месту. Но как бы странно ни выглядела эта причина, Рич чувствовал, что это правильно, и никогда не жалел о решении вернуться.

Он открыл дверцу пикапа и скользнул на сиденье. Днем хотел позвонить Роберту, но был так занят после ухода Кори, что не нашел для этого времени. Что-то мучило его. Рич должен был поговорить со своим братом и выяснить, как шло расследование, но он оправдывал свою инертность тем, что, если бы произошло нечто важное, брат позвонил бы ему. Кроме того, сканер полицейских частот молчал все время, пока он был в офисе.

Он позвонит Роберту, когда доберется домой. Рич посмотрел на часы на приборной доске, когда поворачивал ключ зажигания; его пикап ожил и мотор зарычал. Шесть сорок. Урок начинается в семь. У него только двадцать минут, чтобы на бегу что-то пожевать и найти в пачке бумаг на пассажирском сиденье план урока, который он набросал в прошлые выходные.

Закусочная быстрого обслуживания «Бургеры Бьюфорда» была по пути, там можно сделать заказ и, сидя в пикапе, просмотреть бумаги, пока заказ будут готовить.

Рич включил задний ход, выехал с парковки, потом переключил передачу и поехал вперед к центру, лишь на секунду притормозив на углу, а потом поспешил по 370-му шоссе к Бьюфорду.

Он миновал небольшое кирпичное здание штаб-квартиры Американского легиона⁴; на флагштоках развевались американский флаг и флаг Аризоны, цвета которых в лучах заходящего солнца выглядели необычно.

Некролог, который Рич сегодня днем написал для Мануэля Торреса, был посредственным. Он поговорил с Троем и другими коллегами Мануэля в гараже, но те не смогли подобрать слова, чтобы внятно выразить свое горе. Вдова Мануэля вообще не захотела говорить с ним; Роберт отнесся к ней с уважением и оставил ее в покое. В сложившихся обстоятельствах он сделал все возможное; он сам почти не знал усопшего, и это, а также странные обстоятельства смерти приносили почти таблоидные нотки дешевой сенсации в то, что он старался написать.

Может быть, он еще поработает над некрологом завтра и сделает еще одну попытку довести его до ума.

Рич поймал себя на том, что думает об отчете о результатах вскрытия и о том, что сказал ему Роберт. Это не было каким-то шоком. Но письменное подтверждение – отпечатанное, с датой и подписью, в трех экземплярах на официальных бланках округа – придавало происшествию оттенок подлинности и превращало то, что раньше было просто подозрением, в пугающий факт. Он был прав, сказав своему брату, что это похоже на фильм ужасов.

Коронер, как ему было известно, убеждал миссис Торрес кремировать тело покойного мужа, и хотя она была ревностной католичкой и хотела достойного погребения для своего мужа, женщина неохотно согласилась на кремацию, решив захоронить урну с прахом усопшего в обычной могиле на кладбище, а не помещать ее в колумбарий. Эта капитуляция веры беспокоила Рича, потому что он знал, что послужило для нее толчком. Весь день он слышал шепот и прозрачные намеки. Он знал, о каком слове теперь думал каждый.

Вампир.

Именно вера жителей городка в то, что подобное создание может существовать, побудило Вудса предложить кремацию, а миссис Торрес – согласиться на эту в любом другом случае не приемлемую для нее альтернативу нормальным похоронам.

Кремация служила гарантией того, что Мануэль Торрес не восстанет снова из мертвых.

Рич хотел было разозлиться на такой возврат к суевериям вполне разумных, на первый взгляд, людей, но он сам видел труп, видел нимб из мертвых животных, поэтому подлинной злости не испытывал. Ссохшаяся и пустая оболочка того, что еще недавно было живым телом старика, пугала его гораздо больше, чем вчера.

В не меньшей степени Рича пугала перспектива массовой истерии и параноидальной паники.

В глубине души он не верил в вампиров. С Мануэлем Торресом произошло нечто странное, но у Рича не было сомнений, что, как только убийцу найдут, появится рациональное объяснение этой смерти.

Он въехал на грунтовую парковку перед заведением Бьюфорда и припарковался рядом с пыльным джипом, на ржавом бампере которого красовалась круглая наклейка с эмблемой Национальной стрелковой ассоциации⁵. Читая освещенное меню, Рич понял, что проголодался больше, чем обычно. Сегодня он не удовлетворится, как обычно, гамбургером и средним стаканчиком кока-колы.

Стресс всегда вызывал у него голод.

В этом была и вина Кори. Она могла бы подождать, пока все немного успокоится, а не вешать эти проблемы на него. Рич убеждал себя, что не должен быть с ней таким суровым и черствым – он ее муж, а не только главный редактор; ему следовало понять ее точку зрения.

⁴ *Американский легион* – организация ветеранов войны в США. Был утвержден Конгрессом в 1919 г.; занимает консервативные позиции по вопросам внутренней и внешней политики страны.

⁵ *Национальная стрелковая ассоциация США* (созд. в 1871) – некоммерческая ассоциация, объединяющая сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия. Имеет значительный политический вес.

Но, как не уставала повторять его жена, в этом была его постоянная проблема. Он слишком эгоистичный и безразличный, поэтому и не умел ей сочувствовать.

Но, черт возьми, ей следовало предупредить его.

Она уже нашла работу. Это удивило Рича. Ей повезло оказаться в нужное время в нужном месте, и теперь она была секретарем церкви Святой Троицы. Это приемлемо, как он полагал, но тот факт, что она будет работать на пастора Уиллера, немного беспокоил Рича. Он не был лично знаком с пастором и практически не общался с ним, за исключением коротких телефонных разговоров о событиях для колонки «Церковные новости» в его газете, но у него сразу сложилось впечатление о Уиллере как о скользком типе и шарлатане, человеке, который стремился стать телепроповедником, и явно подходил на эту роль. Ему не нравился Уиллер и не нравилось, что его жена будет работать на Уиллера, но Рич решил, что в данный момент, вероятно, будет разумнее промолчать. Хотя он не был уверен в том, что сможет поддержать жену в этом ее решении.

Сам Бьюфорд, светловолосый, коротко стриженный бывший морской пехотинец, лишь чуть-чуть утративший военную выправку, подошел к окошку.

– Что вы хотели бы сегодня?

– Я возьму двойной чизбургер, большой пакет картошки фри и большой двойной шоколадный коктейль.

Бьюфорд усмехнулся.

– Плохой день, а?

– И он еще продолжается.

– С вас четыре доллара и сорок пять центов.

Рич открыл бумажник и протянул пятидолларовую купюру. Бьюфорд дал ему сдачу: два четвертака и одну десятицентовую монету.

– Итак, вы действительно думаете, что это вампир?

– Что? – Рич уставился на Бьюфорда.

Тот пожал плечами.

– Слухи.

– Никаких вампиров не существует.

– Ну, даже если они и существуют, у меня здесь достаточно чеснока, чтобы продержаться до утра, – рассмеялся Бьюфорд.

Рич натянуто улыбнулся.

– Послушайте, у меня есть еще несколько дел, так что, когда моя еда будет готова, позвоните мне. Я буду сидеть в пикапе.

– Я так и сделаю.

Рич медленно пошел к пикапу. Даже Бьюфорд заговорил о вампирах.

Сегодня вечером, после возвращения домой, надо позвонить брату. Им много чего нужно обсудить.

Сью стояла рядом со спортивным залом и разглядывала вестибюль.

Она испытывала странное чувство, снова оказавшись здесь. Сью не возвращалась в школу с выпускного вечера, и, хотя прошло всего два года, теперь ей все показалось уменьшившимся: двери, фонтанчики с питьевой водой, шкафчики... Как будто попала в школу для гномов. Также Сью почувствовала какую-то угрозу, хотя совсем не ожидала, что такое возможно. Для нее школа всегда была убежищем, спокойной гаванью, в которой даже нецивилизованные люди вынуждены были вести себя цивилизованно. Микрообщество, созданное учителями, администраторами и другими обладавшими полномочиями взрослыми, являлось для нее очень приятной средой, резко контрастировавшей с грубым и хаотичным миром за пределами школьных стен.

Но все изменилось. То знакомое общество закрыли на ночь, а когда оно снова открылось, то оказалось вдруг уменьшенной и чуждой пародией на ее прежнее излюбленное место. Сю посмотрела направо на дверь женского туалета, и ее поразило, какая та маленькая. Возможно, это было только ее воображение, но, как и все остальное в этом здании, двери будто съежились и казались подходящими по размеру только для младших классов средней школы.

Сю смотрела прямо вперед. А вот коридоры не съежились – они, казалось, стали длиннее. И темнее.

Девушка поежилась, повернулась и посмотрела на парковку, на которой не было видно других машин, кроме ее собственной. Она снова оглядела коридор. Он выглядел как туннель или пещера, а задернутые шторы напоминали сталактиты, сталагмиты и скальные выступы. Тени перекрывались, создавая иллюзорные формы там, где их на самом деле не было, погружая в полную тьму те места, где уже царил сумрак. Кое-где светили лампы, но их было мало, и они находились на большом расстоянии друг от друга. Сю начала сомневаться: вдруг она неверно прочла расписание занятий и перепутала день? Единственным источником яркого света были уличные фонари на углах зданий, направленные вниз, и отдельные закрытые предохранительной сеткой лампочки, висевшие на потолке коридора очень далеко друг от друга. Свет около шкафчиков не горел, и окна всех классов были темными.

Сю вглядывалась в расписание занятий, которое держала в руке, пытаясь что-нибудь разглядеть в сумраке. Нет, сегодня четвертое число, и занятия должны начинаться именно сегодня.

Почему школа совсем пуста? Почему в ней больше никого нет?

И почему ей так страшно идти по коридору?

Тишина.

Вот основная причина, объяснявшая, почему Сю стояла здесь и не двигалась с места. Тишина. Ни один звук не нарушал абсолютного безмолвия этого места; не было слышно ни голосов, ни звука шагов, будто она находилась в полном вакууме или в склепе. Даже уличный шум, казалось, не мог преодолеть невидимый барьер, окружавший здание школы.

Это было глупо. Она просто тупица. Причина того, что здесь было так темно и тихо, заключалось в том, что вечерние занятия проводились в другом крыле школы. По привычке она приехала на парковку для школьников на южной стороне школьного комплекса. Ей же следовало парковаться на северной стороне, где находилась парковка для преподавателей. Девушке просто было нужно пройти по коридору мимо рядов шкафчиков и классов для старшеклассников, чтобы оказаться там, где ей следовало быть.

Но она не хотела идти по этому коридору.

Сю вглядывалась в темноту. Была ли это игра ее воображения или редкие лампы в коридоре светили сейчас слабее, чем несколько минут назад? И тени изменили свое положение? Девушка кашлянула и сглотнула – ее кашель прогремел в тишине, как ружейный выстрел. Почему она не слышит никаких звуков из других частей городка за пределами школьного комплекса?

Потом она заметила какое-то движение в дальнем конце коридора. Сердце девушки бешено забилося. Черная бесформенная тень пересекла освещенный участок и снова скрылась в сумраке. Сю показалось, что она все еще видит эту черную тень, настолько непроницаемую для света, что та угадывалась даже в темноте, но не могла различить ее форму.

Сю сделала глубокий вдох. Она никогда не боялась темноты, вообще не испытывала обычных детских страхов, но не могла избавиться от ощущения, что кто-то или что-то ожидает ее в дальнем конце коридора. Она ощущала размер существа и его огромный возраст.

Именно этот невообразимый возраст пугал девушку больше всего.

Во рту у нее пересохло, руки дрожали. Она обернулась и выбежала на парковку, направляясь к своей машине. Завозилась с ключами, пытаясь отпереть дверцу. Сю была уверена в

том, что если обернется, то увидит, как сзади к ней подбирается большой древний угольно-черный призрак, делающийся все огромнее.

Она наконец нашла нужный ключ и сумела отпереть машину, больно ударившись коленкой о дверцу, когда распахнула ее. Запрыгнула в машину, захлопнула дверцу и только затем осмотрелась.

Она ничего не увидела. Парковка была пуста. Все еще подсознательно опасаясь, что она здесь не одна и что, если что-то с ней случится, никто не услышит ее крика, Сью вставила ключ зажигания, завела мотор и тронулась с места.

Она не понимала, почему оказалась такой глупой, почему сразу не поняла, что парковка была пустой, потому что занятия проводились в другом крыле школы. Сью сказала Джанин и пообещала своим родителям, что будет осторожна, а вместо этого вела себя как полная идиотка.

Она подумала о Мануэле Торресе и попыталась представить, как может выглядеть полностью обескровленное тело старика.

Сью ехала по узкой грунтовой дорожке вокруг школы на парковку для преподавателей. Там был яркий свет, много машин, и студенты маленькими группками шли к своим аудиториям. Она припарковалась рядом с микроавтобусом «додж». Ужас и паника постепенно прошли.

Еще минуту назад Сью была готова бежать к незнакомым людям и кричать, что на них напали монстры. Сейчас, хотя она все еще ощущала страх, глядя на темное южное крыло школы, и не могла забыть о черном, меняющем форму призраке, мысль, будто какой-то монстр прячется в школе, поджидая свою жертву, казалась абсурдным и мелодраматическим продуктом слишком живого воображения. И все же девушка не могла избавиться от ощущения, что совсем недавно ей грозила реальная опасность. Возможно, ей следовало сообщить преподавателю, что она видела нечто подозрительное, прятавшееся в коридоре, чтобы он послал кого-нибудь проверить.

Сью шла вслед за двумя пожилыми женщинами, несшими кисти и альбомы для набросков – очевидно, они записались в класс по рисованию. Около кабинета директора женщины пошли налево, к неспециализированным классным комнатам, а Сью повернула направо.

Она довольно легко нашла аудиторию 211, где у нее в старших классах школы были уроки английского, и вошла. Ей опять все показалось маленьким: столы, классные доски, само помещение. Пока она была здесь единственным студентом. Преподаватель показался ей знакомым. Чисто выбритый мужчина, которому было немного за тридцать, стоял у доски, глядя на пустые ряды столов. Он улыбнулся девушке.

Оба они одновременно посмотрели на стенные часы.

– Еще пять минут, – сказал преподаватель. – Не похоже, что будет слишком много студентов.

Сью вежливо улыбнулась ему и устроилась за столом в середине класса.

Мужчина посмотрел на список, который держал в руке.

– Вы Сьюзен Уинг?

– Да, – кивнула она. – Сью.

– Ну что же, вы единственная, кто записался на этот курс. Было еще два человека в списке, но оба они отказались. Я надеялся, что кто-то еще запишется в последний момент, но что-то непохоже. – Он натянуто улыбнулся. – Журналистика теперь совсем не так популярна, как было после Уотергейта⁶.

– Что если никто больше не придет? – спросила Сью.

⁶ Речь идет о Уотергейтском политическом скандале (1972–1974), породившем громкие журналистские расследования и повлекшем за собой отставку президента США Р. Никсона.

– Тогда курс отменяют. Нам нужно не менее шести человек.

Он снова посмотрел на часы: было без трех минут семь.

– Да, кстати, меня зовут Рич Картер, я редактор «Рио-Верди газетт». Вы можете называть меня Рич.

Вздохнув, Сю посмотрела на свой стол.

– Я очень хотела изучать этот курс.

– А я очень хотел преподавать его. Мне нужен дополнительный заработок.

– Мне нужно пройти дополнительно несколько курсов. Я хочу сдать их в колледже Пуэбло, а потом перевестись в Университет Южной Аризоны, но подходящих курсов предлагают мало.

Рич прошел по центральному проходу к двери, выглянул в коридор и посмотрел в оба его конца. Снова взглянул на часы.

– Семь. Не думаю, что кто-то еще придет.

Сю встала.

– Вы проходили раньше какие-то другие курсы, связанные с журналистикой? Работали в школьной газете или у вас был какой-то другой опыт?

Сю отрицательно покачала головой.

– Что же, вам нужны любые зачетные курсы или вас действительно интересует журналистика?

– И то, и другое.

– Причина, по которой я вас спросил, заключается в том, что я могу дать вам возможность получить реальный журналистский опыт. Вы сумеете одним выстрелом убить сразу двух зайцев. От меня только что ушел один из моих репортеров, и мне нужна замена. Вам нужно будет набирать тексты, верстать их, вы познакомитесь со спецификой газетного бизнеса. Конечно, вы будете работать неполный рабочий день, и я буду платить вам сдельно. Повременно или за определенный объем текста – как вам будет выгоднее.

– А я получу зачет за этот курс?

Рич рассмеялся.

– Конечно. Я поговорю с деканом. Мы назовем это «самостоятельными занятиями» или как-то еще в этом роде.

– Спасибо.

– Если не сочтете это бесцеремонным, можно мне спросить, почему вы не поступили в один из двухгодичных общественных колледжей в долине Колорадо? Немного странно ждать, пока колледж в Пуэбло предложит зачетные курсы. Возможно, вам придется ждать несколько лет.

Сю покраснела.

– У меня нет выбора. Мы не сможем позволить себе ничего другого.

Рич кивнул.

– Я вас понял. – Он внимательно посмотрел на нее. – Вы ведь работаете в том китайском ресторане?

– Он принадлежит моей семье, – призналась Сю.

– Так я и думал.

Рич вырвал лист бумаги из своего блокнота и что-то написал на нем.

– Вот, – сказал он, протянув ей этот листок. – Это номер телефона газеты. Позвоните мне завтра утром около десяти, и мы все уладим.

– Хорошо.

– Тогда мы поговорим завтра.

Сю направилась к двери, но потом увидела, что на улице совсем темно по сравнению с освещенным классом. Девушка обернулась к Ричу.

– Вы тоже уходите?

Он отрицательно покачал головой.

– Я должен оставаться здесь до семи двадцати, на тот случай, если кто-то все же придет.

– Ну, тогда увидимся завтра. – Сю сглотнула – ее сердце сильно стучало, и заставила себя выйти в коридор.

На улице было не так уж страшно. В других классах горел свет, и на парковке было много опоздавших студентов и преподавателей. Она бросила взгляд на темное крыло школы, и у нее по рукам снова побежали мурашки. Теперь, как ей казалось, было бы глупо пытаться рассказывать кому-либо о том, что она видела, или даже намекать на это, но страх у нее еще не прошел.

Сю побежала по освещенной парковке к своему «универсалу».

Она так и не смогла успокоиться, пока здание школы не пропало из зеркала заднего вида.

Пастор Уиллер не спал, когда Иисус появился во второй раз.

Вечером Клэн вышел в вестибюль, чтобы запереть двери церкви, когда почувствовал легкое изменение качества воздуха. Казалось, что вдруг стало легче дышать; он почувствовал себя легким, открытым, будто освободился разом от своих проблем и всего негатива, будто раскрылся весь его потенциал и мысли потекли свободно, без всяких помех.

Пастор обернулся, но ничего не увидел, кроме параллельных рядов пустых скамеек и последних лучей заходившего солнца, зажигающих маленькие радуги по краям оконных витражей.

Он повернулся в прежнем направлении и увидел Иисуса.

Спаситель стоял перед алтарем во всей Своей славе и величии и глядел на крест, висевший над кафедрой. Этот полусгнивший крест пастор нашел в пустыне поблизости от Голдфилда и сам отреставрировал. Уиллер задержал дыхание, не решаясь двинуться с места. Он зачарованно смотрел на затылок Иисуса, на Его длинные, роскошные рыжевато-каштановые волосы. Гордыня была грехом, Уиллер знал это, но тем не менее он ощущал гордость, зная, что Спаситель доволен его усилиями. Крест был собран из старых железнодорожных шпал, но дерево выцвело почти до белизны, долго пролежав под открытым небом, когда он нашел его у заброшенного городка; сухое дерево было иссечено песком и местами растрескалось. Он нес крест на плече, как когда-то нес его Иисус, но не по улицам Иерусалима на Голгофу, а через пустыню к машине. Уиллер провел немало дней и ночей, полируя крест, покрывая его тончайшими ароматными маслами, и, когда все было закончено, он знал: это нечто особенное. Он знал: то, что он сделал, хорошо.

В то время он проповедовал в Финиксе, а после два раза переезжал, но не расставался с этим крестом, всегда сопровождавшим его в переездах.

Сегодня, когда Иисус повернулся к нему, улыбаясь, грудь Уиллера распирало от гордости, и он был в экстазе.

– Ты создал прекрасную вещь, – сказал Христос. Его голос заполнил воздух безмолвной церкви музыкой, вознесся к балкам, поддерживавшим крутую крышу, а потом изящно отразился от них, заполнив все пространство. – Мужчины захотят, чтобы их распяли на твоём кресте. Женщины будут молить о том, чтобы их прибили гвоздями к такому дереву.

– Да, – прошептал Уиллер.

Он стоял неподвижно, и теплый восторг переполнял его. Сейчас, в реальной жизни, его чувства были гораздо сильнее, чем в прошлом в видениях, – теперь они более непосредственные; физическое ощущение необычной благодати распространилось по его телу, наполнило его голову, сердце, пальцы и ступни. Это чувство было не похоже ни на что другое, и он знал без всяких сомнений, что это было нечто, не сравнимое с удовольствием от наркотиков или секса или с любым другим состоянием эйфории, которое может вызвать у себя сам человек. Такое могло происходить только в присутствии Господа.

– Ты внял моим словам, – сказал Иисус, – но еще многое предстоит сделать.

Было что-то одновременно величественное и грозное в облике Христа, когда Он говорил – хотя все это и воплощалось слабыми средствами человеческой речи для того, чтобы Уиллер смог это понять, – и пастор чувствовал приводящую в трепет мощь Господа, отражавшуюся в его уже знакомых чертах. Как и раньше, у Уиллера были вопросы, которые ему хотелось задать, и тайны, которые он хотел узнать, но, как и раньше, он не решился говорить и молчал в присутствии Спасителя.

Иисус кивнул, показав, что все понимает.

– На все твои вопросы будут даны ответы, – сказал Он.

Слезы благодарности наполнили глаза пастора.

– Благодарю тебя, Господи.

Иисус снова улыбнулся, и Его улыбка озарила сумрачную церковь светом благодати. Он показал своей прекрасной рукой на мир за оконными витражами.

– Этот город – дом греха. Он заполнен нечестивцами и должен быть очищен, прежде чем сможет стать домом Господа. Он должен быть очищен кровью виновных.

Информация потоком хлынула в разум Уиллера; он достиг полного понимания тех идей, на которые Иисус лишь намекнул в своих словах. Все необходимые действия теперь были ясны и понятны. Уиллер видел лица, искаженные муками, они были рассечены, и по ним текла кровь; чистая и изысканная красота смерти этих людей была их вкладом в возвеличивание вящей славы Господа. Он видел головы и руки, изящно отделенные от тел, искусно рассеченные и выпотрошенные торсы, ручки испорченной крови, бегущие в реку прощения, которая текла прямо к Иисусу Христу. Он видел убитых грешников, жертвоприношения, обезглавливания и распятия. Он видел праведников, радовавшихся смерти нечестивых, добродетельных, потрясавших оружием очищающей боли в войне добродетельных и чистых против грешников, видел целомудренных и чистых, радостно приветствовавших освобождение измученных душ грешников, дарованное им Господом Всемогушим.

Все эти образы помогли Уиллеру, неожиданно придали ему сил, и все же ему потребовалась вся его смелость, чтобы поднять голову и прямо обратиться к Иисусу.

– Я купил некоторые вещи для церкви.

Пастор произнес эти слова хриплым шепотом, потом повернулся и наощупь открыл дверь в кладовку, находившуюся позади него, чтобы показать, что он купил в Финиксе.

Кандалы. Веревка. Медвежий капкан. Ножи. Иисус улыбнулся, и лучистое сияние, всегда окружавшее Его, стало еще ярче.

Уиллер почувствовал у Спасителя голод, страстное, почти физически осязаемое желание. Взгляд Христа скользнул по разложенным инструментам для пыток; Он одобритительно посмотрел на Уиллера, Его глаза сверкали.

– Ты все хорошо сделал, сын мой.

И снова священника переполнило почти невыносимое чувство гордости. Господь доволен его поступками!

– У тебя сорок дней, – сказал Иисус. – Сорок дней для завершения твоей задачи.

Уиллер молча кивнул. Сорок было любимым числом Господа. Когда он первый раз уничтожил Землю, потопом смыл порочность и беззаконие, дождь шел сорок дней и сорок ночей. Когда Христос уединился в пустыне, он провел там сорок дней и сорок ночей.

Теперь Иисус давал ему сорок дней и сорок ночей, чтобы завершить создание Его церкви.

Горе ему, если он потерпит неудачу.

Иисус отвернулся, и на мгновение Уиллер подумал, что Спаситель похож на его отца. Он увидел знакомую тяжелую челюсть и тонкий нос. Волна холода накрыла его, и она задрожал, потрясенный этим сходством. Потом внимание пастора отвлекла черная тень, которая закрыла на время цветную радугу, двигаясь мимо оконных витражей.

Когда он снова опустил глаза, Иисус уже исчез – только мягкое свечение слегка колебалось в воздухе на том месте, где Он только что был.

Глаза Уиллера наполнились слезами, а его сердце радостно забилося; он опустился на колени и поцеловал то место на полу, где стоял Иисус. Затем запер дверь кладовой и закрыл в ней благословенные инструменты, с помощью которых воля Господа будет выполнена.

Каркас баптистской церкви привезли в пятницу утром на двух больших автомобильных платформах, а третий автомобиль – автокран – привез остальные элементы конструкции и декора в своем грузовом отделении. Кроме водителей приехали также волонтеры из Американского совета христианских церквей. Еще Уиллер нанял на день двух квалифицированных работников из строительной фирмы. И потом, четверо мужчин-прихожан добровольно вызвались помочь собирать церковь.

Пастор стоял рядом с оператором крана, плотным, дочерна загоревшим мужчиной в строительной каске, пока грузовые платформы маневрировали, чтобы занять нужную позицию у пустого участка, прилегавшего к уже существующей церкви. Крановщик, хмуро наблюдавший за этим, повернулся к пастору.

– Где мы поставим эту структуру?

Уиллер указал на пустующий участок с северной стороны церкви. Десять прихожан почти неделю убирали мусор и выравнивали этот участок.

– Прямо здесь.

– У вас нет фундамента. У вас не подведены коммуникации.

– Мы поставим ее прямо здесь.

Оператор крана огляделся, затем подозрительно посмотрел на Уиллера и спросил его:

– У вас есть хоть какие-то разрешения? На строительство? На подключение канализации? На подключение электричества?

– Мы собираемся поставить ее здесь. – Уиллер спокойно улыбался.

– Вы не можете этого сделать. Нам нужно все согласовать и выполнить необходимые процедуры. Я собираюсь поговорить с Дейвисом. Совет не может ставить церковь в каком-либо месте, не получив разрешений.

– Поговорите с Дейвисом, – сказал Уиллер.

С разрешениями все было в порядке – он получил их от властей округа несколько дней тому назад и уже показал их координатору, но не собирался лично объяснять что-либо этому назойливому и невежественному ничтожеству. Пастор понаблюдал, как крановщик шел через пустырь к грузовикам, а потом удовлетворенно огляделся вокруг. Он увидел городок таким, каким тот явился ему в видении: жесткая пустынная почва, покрытая мягкой травой и прекрасными цветами. Пыльные и обветшалые здания выглядели лучше, чем новые, сверкая свежей краской и чисто вымытыми окнами. В центре этого обновленного городка, в центре нового мира, он видел Церковь живого Христа, великолепный монумент величия Господа.

Уиллер благосклонно улыбнулся группе зевак, собравшихся на улице, чтобы узнать причину всей этой суеты. Он знал, что скоро они будут мертвы, обреченные гореть в аду, познав гнев Всомогущего. Они уже не будут путаться у него под ногами и досаждают ему, вторгаясь в его жизнь со своими мелочными и убогими заботами светского мира. О них позаботится рука Господа. Своим умственным взором он видел освежеванного живьем Лэнга Кросби: кожа содрана с лица, а выпученные глазные яблоки, белевшие на этой кровавой маске, похожи на глаза жука. Он видел Джейн Пейдж с рваной раной между ног, там, где был источник ее греховности.

Он глубоко дышал и чувствовал себя хорошо. Это будет особый день.

Весьма особый.

Даже с помощью работников АСХЦ, церковных волонтеров и рабочих из строительной компании ушло все утро и большая часть дня, чтобы собрать две секции здания и поставить каркас на место. Случилась пара незначительных происшествий: одно окно разбилось, когда кран слишком резко опустил первую секцию на землю, и небольшой участок внизу восточной стены был поврежден, когда его задел угол грузовой платформы. Но в целом все прошло гладко, и к ночи воссозданная церковь – по крайней мере, снаружи – выглядела почти так же, как на прежнем месте в Финиксе.

Только когда стало совсем темно, пастор Уиллер наконец сказал всем, что пора заканчивать. Третий грузовик-автокран пока еще не разгрузили, но две грузовые платформы были уже пусты. Первая фаза работы будет завершена завтра. Работников АСХЦ разместили в домах вызвавшихся приютить их на ночь прихожан, Уиллер проводил их всех к хозяевам и сердечно поблагодарил. Потом он вернулся в церковь, взял свою пластиковую чашку чая со льдом с капота одного из грузовиков и вошел в пока еще пустой остов новой пристройки.

Деревянный пол был уложен прямо на земле, хотя все строители и добровольцы АСХЦ не советовали этого делать. Все выглядело хорошо. На следующей неделе они снесут часть стены и соединят пристройку со старой церковью. Уиллер уже представлял себе, как будет выглядеть полностью заверченный проект, законченная Церковь Живого Христа, молитвенный дом – такой большой и уникальный, что на пустынном горизонте он будет казаться выше, чем пик Апатчей, выглядеть внушительнее, чем окружающие холмы, и станет служить маяком для многих и многих, кто придет к ней восславить Господа.

Уиллер ощутил, как дрожь предчувствия пробежала по его телу. В воскресенье он собирался сообщить своей пастве, что Господь Иисус Христос вернулся. Он собирался рассказать им о том, что видел, и о том, что ему было поведано. Пастор не знал, как они воспримут эти благие новости, но это только усиливало его восторг.

Это отделит зерна от плевел в его пастве. Это определит ее будущее.

Уиллер сделал глоток чая со льдом и скривился, потому что к нему на язык – а потом и в горло – вместе с жидкостью попало нечто зернистое и с очень неприятным вкусом. Он снял с пластиковой кружки крышку и поднес ее к свету, светившему из окна. На единственном потемневшем кусочке лимона копошились десятки мелких мошек размером с булавоочную головку. Еще больше черных точек плавали в темном чае между кубиками льда. Какой-то вид плодовых мушек, предположил пастор. Он хотел выйти и выплеснуть содержимое чашки на землю, когда вдруг понял, что, как и все остальное, это также было частью плана Господа.

Если бы Иисус не хотел, чтобы он проглотил мушек, то не допустил бы, чтобы они оказались в его чае.

Уиллер задумался на пару секунд, потом прочел короткую благодарственную молитву, снова закрыл крышку, сжал губами соломинку и стал пить.

В последний час перед закрытием посетителей почти не было, поэтому они поужинали жареным рисом со свиной и куриной лапшой, которую кто-то заказал по телефону, но не забрал, а потом раньше обычного закрыли ресторан. Сю и Джон вытерли столы и подмели пол в зале, пока мать и бабушка мыли тарелки. Их отец наводил порядок на кухне. Они в этот раз уехали домой вовремя и чуть позже девяти прибыли к дому.

Хотя на улице уже было темно, Крис Чепмен и Род Малверн стояли на полоске желтой травы, разделявшей их участки, и разговаривали. Сю помахала им, когда вышла из машины. Они помахали ей в ответ и возобновили свою беседу. Ни тот, ни другой не обратил на ее родителей никакого внимания. Девушка захлопнула дверцу машины и последовала за отцом и матерью, которые пошли к дому самым коротким путем, мимо ивы. За многие годы она уже привыкла к такому поведению соседей, и хотя ей, наверное, следовало на них разозлиться,

на самом деле Сю было все равно. Она воспринимала эту ситуацию, как элемент Обычного Порядка Вещей.

Обычный Порядок Вещей.

Сю пришла к убеждению: он проявлялся в том, что покупатели обычно не ведут себя по-настоящему дружелюбно и не сближаются с владельцами магазинов, ресторанов или с другими людьми, с которыми ведут бизнес, что между ними автоматически вырастает стена, которая мешает более близким контактам. Но она знала, что это не всегда так. Майк Фазио, владелец пиццерии «Майк пицца плейс» в торговом центре «Башас», похоже, дружил со многими своими покупателями. Хэнк и Тара Фаррел, хозяева видеосалона, часто общались со своими клиентами. Разница заключалась в том, что ее близкие были китайцами.

Сю не нравилось думать об этом. Она испытывала дискомфорт, и девушку не покидало ощущение, что она слишком чувствительна. Когда Сю видела в теленовостях, как выходцы из Азии протестуют против показа фильмов про Чарли Чана⁷ или мультфильмов, тиражирующих стереотипные представления о людях из восточных стран, Сю всегда чувствовала неловкость: ей хотелось поддержать протестующих, и она знала, что должна быть солидарна с ними, но, с другой стороны, она не могла полностью с ними согласиться. Девушка старалась убедить себя в том, что теперь расовая принадлежность уже не влияет на то, как другие люди воспринимают ее и ее близких или ведут себя по отношению к ним. В конце концов, многие консервативно настроенные белые жители городка восхищались темнокожими звездами спорта, футболистами и баскетболистами. Их дети покупали музыкальные записи темнокожих поп-звезд. Разумно ли ей было считать, что к ее близким относятся по-другому только потому, что они китайцы? Да. Потому что за все эти годы ее семья так и не стала своей, к ним все еще относились как к аутсайдерам, а не как к членам общины. Даже самые приятные клиенты, шутившие и смеявшиеся с ней, дружелюбно и уважительно относившиеся к ее родителям, если встречались с ней и с ее близкими в ресторане, в иное время общались с ними напряженно и холодно. Они могли кивнуть, иногда улыбнуться, в лучшем случае сказать «привет», но непринужденного общения не получалось, если они не были в привычных ролях клиента и официанта. Нельзя сказать, что ее семью избегали или не любили – к ним просто относились по-другому.

И так было потому, что они – китайцы.

Сю никогда не сталкивалась с предвзятым отношением к ней. У нее всегда имелась группа близких друзей, к ней относились справедливо, она не подвергалась дискриминации, ее принимали сверстники и дети, вместе с которыми она росла. Но у ее родителей не было друзей в городке, и они находились в социальной изоляции. Дело было не столько в цвете кожи, раскосых глазах или каких-то других особенностях внешности – от всех остальных их отделял язык. Их акцент и плохой английский подчеркивали, что они из другой страны, из другой культуры, и, когда они говорили по-китайски, это звучало оскорблением для других людей.

Но таков был Обычный Порядок Вещей.

Ночь выдалась теплой, ни ветерка; на темном фоне неба, как маленькие алмазы, сверкали звезды. Сю глядела на небо, пока шла с родителями к дому. Она заметила, что созвездия сместились по сравнению с тем положением, которое занимали, когда она разглядывала небо в прошлый раз; теперь они были ближе к своему зимнему стоянию, и девушка подумала о том, как быстро летит время. Только что закончилось лето, а скоро уже наступит Рождество.

Потом еще одно лето. Потом снова Рождество. Казалось, время движется в два раза быстрее, чем в школьные годы.

⁷ Чарли Чан – герой серии детективных романов Э. Д. Биггера и ряда кинофильмов (1926–1949), полицейский-китаец, всегда вежливый и любезный; славился своими глубокомысленными афоризмами в псевдоконфуцианском духе.

Войдя в дом, ее отец разулся и отнес остатки еды из ресторана на кухню. Джон, не разуваясь, сразу пошел в гостиную, включил телевизор и улегся на диван. Мать и бабушка сняли обувь и последовали за отцом в кухню.

Сью постояла немного в дверях, потом сняла свои сандалии, глядя на веер с розовыми цветами, висевший на стене. Девушка не знала, следует ли ей уйти в свою спальню или нужно помочь родителям и бабушке в кухне. Интуиция подсказывала ей, что лучше пойти к себе в комнату.

Что-то сегодня было не так. У Сью весь вечер было странное чувство, будто над ней висит какой-то злой рок; правда, ей было не так страшно, как тогда в школе. Она хотела лечь в кровать и забыть об этом. Это *вэй*.

Плохо.

Сью слышала, как бабушка тихо говорила с родителями на кухне. Весь вечер старушка была необычно молчалива; она даже не слушала свои любимые аудиозаписи, когда резала овощи на кухне в ресторане. Несколько раз, обернувшись, Сью ловила на себе ее пристальный и странный взгляд; еще она заметила, что бабушка так же странно посматривает и на ее брата. И родители заметили перемену в бабушкином настроении – она догадалась об этом, поскольку они общались друг с другом вежливо, а не препирались по любому поводу, как обычно, но никто из них не сказал о происходящем ни слова, и они продолжали заниматься привычными делами.

Девушка посмотрела на кухню, а потом изменила свое решение: не направилась ни на кухню, ни к себе в спальню, а нашла трусливый выход из ситуации. Она подошла к Джону, растянувшемуся на диване: его голова лежала на одном подлокотнике, а ступни упирались в другой.

- Подвинься. Дай мне сесть.
- Отвали, – ответил он.
- Сам отвали.
- Убирайся. Ты закрываешь мне экран.
- Отлично, тогда... – Она уселась ему на ноги.
- Эй! – закричал юноша, пытаясь выбраться из-под нее. – Перестань!
- И не подумаю.
- Ты слишком толстая. Мне больно!
- Тогда подвинь свои ноги, чтобы я могла сесть.
- Тогда встань, чтобы я мог подвинуться.

Сью встала, и брат, быстро дав ей пинка, скатился с дивана и отскочил в сторону. Оглянувшись, проверяя, не собирается ли она ответить ему тем же, а потом лег на полу перед телевизором и сморщил нос.

- Я не могу сидеть рядом с тобой. Ты воняешь.
- Это ты воняешь, – парировала девушка. – Помойся.
- Сьюзен!

Сью обернулась на звук бабушкиного голоса. Старая женщина стояла в дверном проеме, и ее растрепанные седые волосы, подсвеченные неярким светом с кухни, подчеркивали резкие черты ее лица. На какой-то момент она показалась девушке похожей на ведьму, и Сью поежилась от испуга. Но, войдя в комнату, старушка уже выглядела как обычно.

Сью заставила себя улыбнуться.

- В чем дело, бабушка? – спросила она по-китайски.
- Пойдем-ка со мной в мою комнату. Я хочу что-то тебе дать.
- Хорошо. – Сью была озадачена, но задавать бабушке вопросы было бы невежливо, поэтому она встала с дивана и пошла вслед за нею по коридору. Не успела она выйти, как Джон вскочил и снова разместился на диване.

В комнате бабушки, как всегда, пахло затхлостью, и лекарствами, и травами – запахами старости. На небольшом тиковом прикроватном столике стояли две бутылки женьшеня, распространявшие самый сильный из запахов этой комнаты. Одна из бутылок, та, которая поменьше, была наполнена мелко нарезанными кусочками корня. В другой, в прозрачной жидкости, плавал целый корень женьшеня, похожий на маленького человечка, заключенного в стекло. Боковые корешки казались ручками, а нижние – ножками.

Сью всегда нравилось приходить в бабушкину комнату. В ней было чуть теплее, чем в других помещениях, и она казалась девушке очень экзотичной: кусочком Китая, перенесенным в Аризону, что резко контрастировало с американизированным китайским декором, созданным ее родителями в других частях дома. Ей нравились темная ширма из трех секций, отделявшая спальную зону от дневной, огромная расписанная вручную ваза в углу, мебель со сложной резьбой. Сегодня, однако, эта таинственная экзотика немного ее беспокоила, и сумрачная комната показалась девушке слишком темной.

Сморщившись, будто от боли, бабушка неловко уселась на край кровати. Она ссутулилась, когда кровать просела под ее тяжестью, и впервые показалась Сью старой. Совсем старой. Глубокие морщины вокруг ее рта и глаз оставались неизменными так долго, сколько Сью себя помнила, и казались неотъемлемыми элементами ее лица. Теперь они изменились: спустились ниже к подбородку, подобрались ближе к щекам и лбу, и их дополняла сеть мелких морщинок, так что кожа казалась почти мумифицированной.

Сью отвернулась, не желая смотреть на бабушку при таком освещении, и сосредоточила внимание на старых фотографиях из Гонконга, стоявших на комодe между новыми фото ее и Джона. Там была фотография, на которой бабушка и ее мать стояли перед джонкой в гавани Гонконга; на другой ее дедушка держал живого цыпленка, купленного у одного из уличных продавцов; еще на одной бабушка была сфотографирована с двумя друзьями на фоне черного паровоза. Сотни раз за все эти годы, скучными вечерами или в дождливые дни, бабушка рассказывала истории, связанные с каждым из этих снимков, и обещала, что когда-нибудь они вместе съедят в Гонконг. Но теперь Сью понимала, что в реальности этого не будет. Эта мысль расстроила девушку; раньше она еще никогда не чувствовала такой безнадежности, печали и пустоты.

Сью пожалела о том, что сразу не отправилась в спальню, когда они пришли домой: тогда можно было бы притвориться спящей.

– Сьюзен...

Девушка снова посмотрела на кровать.

– Я хочу дать тебе это.

Бабушка вынула из ящика своего прикроватного столика ожерелье и протянула его внучке слегка трясущимися руками. Во все еще открытом ящике виднелись кусочки ткани и старые пустые бутылочки из-под лекарств.

Ожерелье – тонкая золотая цепочка с кулоном из белого нефрита⁸ – показалось ей смутно знакомым. Сью осторожно взяла его в руки и стала рассматривать нефрит.

– Он настоящий?

Бабушка утвердительно кивнула.

– Он добыт в горах Куньлунь в провинции Хотан. Мне подарили его на свадьбу.

Теперь Сью узнала ожерелье, которое видела на фотографиях.

– Я носила его, пока твой дедушка был жив, но, когда он умер, сняла. Я планировала сбросить его, чтобы подарить тебе на свадьбу, но решила сделать это сегодня.

Сью попыталась вернуть ожерелье бабушке.

– Когда-нибудь я выйду замуж, тогда ты его мне и подаришь.

⁸ Китайцы считают белый нефрит особенно ценным, раньше им владели только императоры.

– Нет. – Бабушка подняла руки в знак отказа. – Я хочу дать тебе его сейчас.

Сью внимательно взгляделась в кулон. Это был молочно-белый нефрит редчайшей разновидности. Он был круглым, и на нем были вырезаны две фигурки: дракон и феникс, слившиеся вместе. Они символизировали мужчину и женщину, соединенных браком.

– Я не могу его принять, – сказала девушка.

– Ты должна. Я не возьму его назад.

– Я еще не выхожу замуж.

– Я, возможно, не доживу до твоей свадьбы.

Сью уставилась на бабушку – она начала понимать. Девушка ощутила неприятную тяжесть в желудке.

– Ты ведь не собираешься умирать? Ведь правда? Ты ведь не начала раздавать свои вещи, потому что...

Бабушка улыбнулась.

– Я не умираю.

– Тогда почему ты...

– Наступит день, когда я умру. Это может случиться скоро.

– Бабушка...

Старая женщина вздохнула.

– Я даю тебе это ожерелье для твоей защиты. Я знаю, ты не веришь в то, во что верю я, но прошу тебя оказать мне одну небольшую услугу. Носи это ожерелье. Оно защитит тебя от всякого зла. Ты пока можешь этого не понимать, можешь думать, что я глупая, но, думаю, однажды ты все поймешь и будешь мне благодарна.

Зло.

Теперь Сью посмотрела на ожерелье в новом свете. Она уже видела не красоту сплетенных фигурок, но зубы дракона и когти феникса. Однако вместо того, чтобы помочь ей почувствовать себя защищенной, вместо того, чтобы подбодрить ее, ожерелье пугало ее: девушка почувствовала волну холода, по шее у нее побежали мурашки. Хотя она, возможно, и не верила во все, во что верила ее бабушка, но не была и таким скептиком, каким пыталась казаться, и мысль о том, что ей нужно носить нечто, обладающее сверхъестественной силой, пугала Сью.

Она подумала о странной тени, скрывавшейся в темном школьном коридоре.

Зло.

– Ты наложила заклинание... на это?

Бабушка рассмеялась тонким музыкальным смехом. Ее глаза также смеялись, и впервые после того, как Сью вошла в комнату, она немного расслабилась. Возможно, зря она принимала все слишком близко к сердцу.

– Я не знаю никаких заклинаний. Я не ведьма. – Бабушка усмехнулась. – Или ты думаешь, что я ведьма?

– Нет, – ответила смущенная Сью.

– Ожерелье защитит тебя, потому что это нефрит. Не потому, что на него было наложено заклинание, не потому, что его обработали травами, и не из-за смысла вырезанных на нем символических рисунков. Все, что сделано из нефрита, защитит тебя.

– О!..

– Я даю тебе это ожерелье, потому что собиралась отдать его тебе в любом случае. Просто решила сделать это пораньше. – Ее улыбка пропала. – Но я не хочу, чтобы ты упоминала об этом при Джоне или твоих родителей. Это только между нами. Ты поняла?

Сью согласно кивнула.

– Вот и хорошо. Ты будешь носить ожерелье?

– Да.

– Все время?

– Даже когда я сплю или моюсь в душе?

– Именно.

– До конца моей жизни?

– Пока не пройдет опасность.

Сью посмотрела на бабушку, снова подумала, какой старой она выглядит, заметила поредевшие волосы, худобу.

– Да, бабушка, – сказала она.

– Отлично. – Старушка улыбнулась. – Ты моя любимая внучка.

Сью улыбнулась.

– Я твоя единственная внучка.

– Даже если бы были другие, ты была бы моей любимой. – Она потерла глаза и зевнула, но слишком акцентированно и слегка наигранно. – Уже поздно. Ложись спать. Завтра увидимся. Потом мы поговорим обо всем подробнее.

Сью поняла, что ей пора уходить. Она быстро обняла бабушку, заметив на сморщенной коже ее худенького запястья нефритовый браслет.

– Спасибо, бабушка, – сказала она, показывая на ожерелье. – Я всегда буду беречь его.

Сью пожелала бабушке спокойной ночи и вышла из ее спальни, переполненная противоречивыми чувствами, не понимая, была ли она напугана или просто печальна, успокоена или встревожена. Сью определенно устала, и ей хотелось спать, но вместо этого девушка вернулась в гостиную, где Джон снова лежал на полу, а родители сидели на диване.

Она молча постояла в дверном проеме, наблюдая, пока не обнаружила то, что искала.

На левой руке Джона, на среднем пальце, она увидела белое нефритовое кольцо.

На шеях ее родителей красовались ожерелья, также с белым нефритом.

В коридоре слышались шаги двух пар ног. Тяжелые и легкие.

Рич поставил пальцы на клавиатуру компьютера и уставился на зеленые буквы, появившиеся в верхней части экрана, как будто он все это время работал на компьютере. Он почувствовал присутствие Кори за спиной еще до того, как увидел белую тень, отразившуюся на экране монитора, а потом тень на своих разложенных на столе бумагах. Он напечатал какое-то предложение, которое не собирался использовать, но оно выглядело правдоподобно, на тот случай, если жена заглянет на экран через его плечо.

Кори стояла молча, вынуждая его заговорить первым, но Анна – как всегда, ненамеренно – разрешила эту патовую ситуацию.

– Мы идем в церковь, папочка.

Ее маленькая мягкая ручка обняла его за шею. Дочка поцеловала его в небритую щеку и хихикнула, уколотившись.

– Это хорошо.

– Ты пойдешь с нами? – спросила Кори.

Рич повернулся к ней и отрицательно покачал головой, показав на компьютер.

– Мне нужно закончить эту статью.

Кори безучастно взглянула на него и ничего не сказала. Рич был смущен из-за очевидности своей отговорки и не хотел смотреть жене в глаза, но заставил себя выдержать ее взгляд. Они играли в эту игру уже долгое время. Когда они только поженились, Рич сказал ей, что он не любит ходить в церковь, но Кори ответила, что если он действительно ее любит, то будет ходить туда вместе с ней. Она добавила, что иногда делает то, что ей не хочется делать, потому что так хочется ему, а Рич должен делать то же самое для нее. Тогда он пошел в церковь. Потом появилась Анна, и они согласились, что для девочки будет хорошо, если они будут вместе ходить в церковь. Но годы шли, и Рич постепенно стал отлынивать от этой воскресной обязанности, ссылаясь на занятость работой, усталость или болезнь. Сначала он ходил в цер-

ковь через раз, но, когда его нежелание начало выглядеть очевидным, стал варьировать систему – ходил в церковь две недели подряд, а потом пропускал следующую неделю, или, посетив церковь, пропускал следующие две недели.

Теперь он вообще перестал ходить туда.

Это никак не было связано с религией. Дело было в самой церкви. Рич не мог побороть ощущение, что напрасно тратит воскресное утро, посещая службы. Воскресным утром нужно было есть вафли, валяться на диване, читать газеты и слушать музыку. Никаких проповедей.

И никакого пастора Клэна Уиллера.

Это было важной причиной его отказа нынче утром. Теперь, когда Кори стала секретарем Уиллера, она чувствовала себя обязанной посещать его проповеди. Рич же такого обязательства на себя не брал. Его и прежняя методистская церковь не слишком вдохновляла, но, даже если бы его тащили за гениталии, он не пошел бы на проповеди Уиллера. Он не мог придумать никакой более бессмысленный способ потратить свой единственный настоящий выходной, чем сидя на неудобной скамейке рядом с кучкой лицемерных незнакомых ханжей, слушать, как какой-то свихнувшийся пастор пугает его адскими муками и вечным проклятьем. Лучше уж он останется дома.

– Пойдем с нами, папочка, – умоляла Анна. – Ты не был с нами в церкви так давно...

– Это ничего. У него есть более важные дела. – Кори взяла Анну за руку и повела ее к дверям.

Рич не удостоил жену ответа, но улыбнулся и послал воздушный поцелуй Анне.

– Не беспокойся, милая. Я буду здесь, когда вы будете возвращаться, и, если вовремя закончу свою статью, мы сходим в кафе-мороженое.

– Да! Мороженое!

Кори сверкнула на Рича глазами.

– Пойдем, – сказала она. – Мы опоздаем.

Он смотрел, как они вышли из комнаты: пританцовывающая и счастливая Анна и намеренно громко топающая и мрачная Кори. Что с ним происходит? Рич знал, что Кори ненавидит, когда он понапрасну тратит деньги и водит Анну в кафе-мороженое. Зачем он намеренно и сознательно подначивает ее? Рич вздохнул и тупо уставился на экран. Он не знал.

Вчера вечером у них была ссора, серьезная ссора, но, когда они проснулись утром, казалось, что раны уже исцелились. Они поцеловались, потом почти начали заниматься любовью – и, наверное, занялись бы, если бы Анна не проснулась.

Но во время завтрака что-то пошло не так. Что-то изменилось, испортилось, и Рич никак не мог понять, что именно. Он читал спортивный раздел своей любимой газеты, Кори молча приготовила завтрак, и оба они почему-то говорили только с Анной, которая без умолку болтала, к счастью, не чувствуя изменившейся атмосферы.

Хлопнула внешняя дверь. Рич увидел две мелькнувшие белые фигуры – большую и маленькую, спустившиеся с крыльца.

Кори шло ее воскресное платье, не мог не признать Рич. Он пожалел, что не сказал ей об этом. В прежние дни, если бы ему пришла такая мысль, как сейчас, он бы стал действовать – выбежал на улицу, затащил ее в дом, уложил на спинку дивана, задрал платье, стащил ее трусики и овладел ею сзади.

И она бы не возражала.

Но сейчас...

Сейчас все было по-другому.

Он глядел в окно, как Кори вела Анну по дорожке к своей машине.

Когда эта машина стала ее машиной? А его пикап? Когда они начали делить свою общую собственность? Или так было всегда? Он не смог вспомнить.

Рич наблюдал, как его жена и дочь сели в машину, закрыли двери, пристегнулись ремнями и уехали. Анна помахала ему, когда они тронулись. Кори даже не посмотрела в его направлении.

Вообще-то он не соврал Кори. У него действительно много работы, и она знала это. Ему нужно сверстать и ее колонки, в дополнение к его собственной обычной работе. И за последнюю неделю было много новостей. Рич хотел бы, чтобы она ему хоть немного сочувствовала.

Девушка из класса по журналистике должна была прийти завтра, и это точно поможет ему в выпуске газеты: Сю показала Ричу сообразительной, и он не сомневался, что она быстро овладеет техническими аспектами набора и верстки; но он пока не знал, умеет ли она писать. Когда Сю позвонила в пятницу, он попросил ее принести образец созданного ею текста, и девушка пообещала что-нибудь найти, но у него создалось впечатление, что она ничего не пробовала писать после окончания школы.

Рич взял со стола блокнот и просмотрел свои заметки. Главной историей будет Майк Виджил. Водителя грузовика так и не нашли, хотя его грузовик был обнаружен на шоссе примерно в сорока километрах от Каса-Гранде. Ричу нужно было только позвонить в полицию штата и узнать о текущем состоянии дел, а потом поговорить с Робертом и выяснить новости местной полиции.

Роберт, он знал, был обижен на него. Хотя брат никогда раньше не пытался вмешиваться в содержание газеты, он не хотел, чтобы Рич писал о мертвых мышах, и даже специально просил его не упоминать о них. Рич чуть было не уступил ему. Со всеми этими разговорами о вампирах он также боялся спровоцировать панику и вполне мог понять точку зрения брата. Но не мог согласиться с аргументом, будто эта история может помешать расследованию смерти Мануэля Торреса. В итоге он решил, что статья о ней будет интересна и оригинальна. Все же Рич пошел на компромисс и поместил статью не на первой полосе, а на второй, как тематическую, но Роберту это все равно не понравилось.

Черт, подумал Рич, это была хорошая история. Он считал верным свое решение опубликовать ее. Если бы газета работала с одним из телеграфных агентств, статью, вероятно, уже перепечатали бы другие издания. Кроме того, несмотря на ожидания Роберта, паники не было – напротив, овраг стал значительно популярнее среди туристов после публикации статьи. За последние два дня небольшие группы людей, в основном подростков, посетили место происшествия и прочесали прилегающий к нему район, пытаясь сами найти каких-то убитых загадочным способом животных.

Рич не говорил с братом после публикации статьи и считал, что ему лучше подождать и дать возможность Роберту позвонить первым. Теперь он не знал, следует ли позвонить Роберту домой, или лучше днем набрать номер полицейского участка. Он вообще не был уверен, разрешит ли брат ссылаться на него.

Рич положил блокнот на стол, взял пустую кофейную чашку и направился в кухню за новой порцией кофе. В гостиной все еще пахло завтраком: кленовым сиропом, арахисовым маслом, вафлями и джемом. Кори помыла, высушила и убрала посуду, но вафельница все еще стояла на кухонной стойке, и на ее нижней части подсыхали капельки масла.

Рич убрал вафельницу в шкафчик под раковиной и налил себе последнюю чашку кофе. В доме было тихо: никаких звуков, кроме его собственных шагов. На секунду он пожалел, что не пошел в церковь вместе с Кори и Анной. Потом напомнил себе, что тогда бы ему пришлось целый час выслушивать бред Уиллера, и сразу уверился в том, что принял правильное решение.

Он зашел в гостиную, включил стерео, поставил старый альбом группы «Джетро Талл» и пошел в спальню звонить Роберту.

Церковь была заполнена людьми, на улице было полно припаркованных легковых машин и пикапов, и почти все места на скамьях были заняты. Кори стояла у входа, крепко держала

Анну за руку и искала место, чтобы сесть. Ее удивило такое количество прихожан. Кори не знала, что церковь Святой Троицы была так популярна. Она сама пришла сегодня, потому что работала в этой церкви и считала посещение воскресных служб одной из своих обязанностей. В глубине души она считала, что оказывает пастору Уиллеру услугу.

Он казался таким... неуклюжим в общении, таким чопорным, что ей было трудно поверить в то, что у него столько последователей. Для молодой женщины было шоком обнаружить, что на этой единственной утренней службе собралось больше людей, чем она видела за все время в методистской церкви.

Неудивительно, что Уиллер хотел расширить здание. Кори подумала о своей прежней церкви, о добром пасторе Франклине, который читал свои лучшие проповеди в полупустой церкви, и немедленно ощутила чувство вины. Возможно, ей нужно было объяснить Франклину, почему она теперь стала посещать церковь Святой Троицы. Она не была близко знакома с пастором, никогда не говорила с ним с глазу на глаз – лишь обязательное рукопожатие в конце каждой службы, – но он всегда казался Кори добрым, мягким и деликатным пожилым человеком, и она сейчас понимала, *что* ей следует ему сообщить: она теперь посещает другую церковь не потому, что он что-то сделал не так, и не из-за недостатков его проповедей – единственная причина заключается в том, что она теперь работает секретарем у пастора Уиллера.

Возможно, ей следовало посещать службы в обеих церквях.

Кори почувствовала, что Анна тянет ее за рукав.

– Вон там есть место, мамочка. Видишь? Рядом с той толстой женщиной?

– Тише! – одернула Кори дочь.

Действительно, на скамье рядом с полной пожилой женщиной, одетой в платье со слишком ярким цветочным рисунком, было свободное место, и Кори повела туда Анну по проходу, покрытому ковровой дорожкой. Ей показалось, что все смотрят на них с дочкой как на чужаков, пока они шли по центральному проходу, хотя она и знала, что церковь открыта для всех. Кори не понимала, почему не стала настаивать на том, чтобы Рич пошел вместе с ними. Если у него было время, чтобы позже сходить с Анной в кафе-мороженое, значит, он сумел бы найти время и для посещения церкви. Но это было так характерно для ее мужа. Он не подумал о том, что она впервые идет в новую церковь и ей может понадобиться моральная поддержка, рука, на которую она могла бы опереться в окружении незнакомцев.

Но Кори заранее это знала. Она изучила его характер. И за все эти годы должна была понять, что, если ей хотелось, чтобы Рич что-то сделал, ей нужно было сказать об этом прямо. Сам он никогда ни о чем не догадывался. И не догадается... Это было основной проблемой их брака. Недопонимание. Упрямое нежелание обеих сторон приспособливаться к стилю действий друг друга.

Кори следовало прямо обратиться к Ричу, попросить его пойти в церковь вместе с ней и объяснить, зачем ей это нужно. Она могла обсудить это с мужем вчера вечером или утром. Он бы пошел. Но какая-то тщеславная, донкихотская и безнадежно идеалистическая струнка ее характера заставляла ее сохранять молчание в тщетной надежде, что, возможно, в этот раз он сам вызовется пойти с ними. В то же время другая сторона ее индивидуальности получала удовольствие от мысли о том, что теперь у нее будет повод упрекнуть мужа, что он не делает того, что она хочет, хотя Кори и знала заранее, что все будет именно так.

Боже, почему все было так сложно?

Кори села рядом с Анной. На полке, прикрепленной к спинке скамьи перед ними, не было сборника церковных гимнов, и вообще не было никаких книг, только несколько скрепленных вместе листков ксерокопий. Она посмотрела на людей, сидевших рядом с ними.

Несколько лиц Кори где-то видела, но среди прихожан не оказалось ни одного человека, с кем бы она дружила или была знакома.

Анна снова потянула ее за рукав.

– Посмотри на крест, – прошептала она и показала на него.

Кори посмотрела. Она бывала в церкви каждый день, с тех пор как поступила на работу, но обычно она проводила время в своем кабинете, и у нее раньше не было возможности рассмотреть интерьер. Теперь ее взгляд привлек огромный деревянный крест, укрепленный на стене за кафедрой. Он не был простым украшением или же символом распятия – огромную деревянную махину можно было хоть сейчас использовать по назначению.

Крест был высотой почти в два человеческих роста и, хотя и стоял на полу, доставал почти до потолка. Кори содрогнулась.

В нем было что-то, вызывавшее у женщины неприятное чувство – то ли дело было в его пропорциях, то ли в блеске гладко отполированного дерева.

Она оторвала свой взгляд от креста и стала смотреть на окна с витражами, найдя утешение в привычной ей нормальности цветных стекол.

– Мамочка, – прошептала Анна, – кажется, начинается.

– Да, – сказала Кори.

Разговоры прихожан постепенно смолкали, переходя в шепот, а затем в церкви воцарилась полная тишина, когда пастор Уиллер вошел в вестибюль. Кори не была знакома с особенностями ритуалов этой деноминации, но она посетила достаточно количество воскресных служб в разных церквях, чтобы знать, когда и что следует делать. Они с Анной вставали вместе с другими прихожанами, когда это требовалось, склоняли головы во время молитвы и вежливо поднимались со своих мест, когда прихожане пели гимны.

Потом Уиллер начал свою проповедь.

Он стоял за кафедрой, держал Библию в руке и внимательно оглядывал лица своих прихожан. Пастор увидел Кори и улыбнулся ей. Кто-то тихо кашлянул, люди ерзали на скамейках.

– Я видел Иисуса Христа, – сказал он, в его тихом голосе слышались и благоговение, и гордость. – Он говорил со мной.

Пастор Уиллер на секунду замолчал, чтобы вся важность его слов дошла до них, а потом пересказал содержание своей беседы с Христом.

Он рассказал им о своем видении и о встрече в церкви.

Кори смотрела на проповедника, пока он говорил, и ей было страшно. Она хотела уйти, хотела убежать, но была слишком испугана, чтобы сделать это. Она не сомневалась в том, что Уиллер видел Иисуса – доказательствами были его лицо, его голос, аура восторга, окружавшая его, – но эта благая весть не вызвала у нее той радости, которую должна была вызвать. Когда она заглянула поверх голов прихожан в глаза проповедника, ее сердце испуганно забилося, и она почувствовала глубокий и неодолимый ужас.

Что с ней произошло? Кори всегда считала себя хорошим человеком и в целом добрым христианином. Еще в детстве она приняла Иисуса в свое сердце и с тех пор старалась слушаться его заветов. Ее чувства по отношению к Христу были всегда позитивными, без всяких оговорок.

Так почему же она была напугана?

– У него есть план, – продолжил проповедник.

Теперь он улыбался, обретая свой привычный ритм.

– У Иисуса есть план. Он собирается установить Царство Божие на Земле, и Он выбрал наш скромный городок и нашу скромную церковь зерном, из которого Его величие будет расти. Мы были избраны, чтобы стать первыми гражданами Царства Господа, как предсказано пророками: «Иисус принесет свет и правду в этот больной и беспорядочный мир, и падшие послужат пушечным мясом для битвы Христа...»

Кори почувствовала, как Анна взяла и сжала ее руку.

– Мамочка, мне страшно.

Кори тоже была напугана, но ободряюще улыбнулась дочери.

– Совсем нечего бояться, – прошептала она.

– Я хочу домой.

– Тише.

Кори положила руку на плечо Анны и сосредоточила свое внимание на пасторе. Она слышала плач и крики других напуганных детей и шепот родителей, пытавшихся их успокоить. Воцарившийся в церкви страх был почти материален, хотя молодой женщине было непонятно, почему слова пастора вызвали такую реакцию.

Проповедь продолжилась. Это была гипнотическая смесь из пересказа бесед пастора с Иисусом, пророчеств из Библии и его личной интерпретации того и другого. Уиллер детально описал свой план строительства церкви Живого Христа, призвал всех помочь в сборе пожертвований и добровольно работать для завершения его проекта, который навсегда изменит судьбу человечества.

Уиллер был вдохновляющим, умелым оратором. Кори должна была это признать. Страх, повисший в воздухе вначале, превратился в предвкушение и ожидание, а потом в восторг. Мужчины, окружавшие ее, распевали «Слава Господу!», а женщины выкрикивали «Аллилуйя!», и Кори вдруг сама почувствовал, как ее захватывает, несмотря на страх, вихрь восторженных эмоций, вдохновленных словами пастора.

Только вот... Где-то в глубине души она не могла понять, зачем понадобилась Уиллеру вся эта мирская суета – просьбы о жертвованиях и помощи волонтеров, – если Иисус уже поручил ему строить Его церковь. Разве Иисусу, который мог исцелять больных и оживлять мертвых, нужны были все эти обычные приемы телевизионных проповедников, чтобы гарантировать, что Его воля будет выполнена?

Пастор Клэн Уиллер снова взглянул на Кори, и женщина содрогнулась, ощущая свою вину за святотатственную мысль. Кто она такая, чтобы сомневаться в действиях Всемогушего?

Кори провела остаток проповеди, сосредоточившись взглядом на спинке скамейки в предыдущем ряду и стараясь вслушиваться в слова проповедника.

После службы они с Анной быстро пошли к своей машине. Девочка, обычно воодушевленная и чрезмерно разговорчивая, после вынужденного молчания в церкви была тихой и немного подавленной, поэтому они шли молча. И другие прихожане почти не говорили друг с другом, тихо подходя к своим легковушкам и пикапам.

Кори шагала к их «Ниссану». Внешне все было нормально: она шла, держа за руку Анну, на ее лице застыло обычное спокойное выражение, но на душе было мятежно. Она была напугана, глубоко, по-настоящему напугана, и казалась себе персонажем когда-то увиденного фильма, знавшего, что конец света неизбежен, но не имевшего возможности поделиться этой информацией с окружающими людьми, беспечными и счастливыми.

Но почему Второе Пришествие вызывало у нее подобные чувства?

Второе Пришествие.

Она хотела разделить свой груз с Ричем, рассказать ему о происходящем, он бы успокоил ее и убедил в том, что все будет в порядке. Но она знала, что Рич не поверит в пришествие Христа. Он объяснит это религиозным энтузиазмом, подумает, что Уиллер или лгал, или был введен в заблуждение собственным фанатизмом.

Кори, вероятно, подумала бы так и сама, если бы не знала Уиллера и сама не слышала, как он говорил со своей паствой; не существовало никакого способа правдоподобно имитировать это сверхъестественное воодушевление, эту способность вызвать ликование и страх, которой он обладал.

И так было всю эту неделю, только что поняла она.

Они добрались до машины, Кори достала ключи из сумочки и открыла дверцу машины для Анны.

– Иисус действительно говорил с пастором? – спросила дочь.

Нет не говорил, хотелось ответить Кори, но она поняла, что не сможет лгать дочери.
И почему бы ей хотеть лгать?

– Да, говорил, – ответила девочке мать.

Она обошла машину и подошла к водительской двери. Анна дотянулась до замка со своего места и отперла дверь.

– Иисус страшный? – спросила она.

– Перестань задавать так много вопросов.

Анна упрямо сложила руки на груди.

– Отлично. Тогда я спрошу у папочки.

Кори вздохнула.

– Нет, Иисус не страшный. Иисус добрый. Иисус любит тебя.

– Как песнопения?

– Да. – Кори включила мотор.

– Ты не хочешь, чтобы я спросила у папочки, правда?

– Нет. Я не думаю, что нам следует говорить об этом папочке. У него сейчас там много дел и... я просто не хочу, чтобы ты рассказывала ему о том, что поведал нам пастор. Я скажу папочке, когда придет время, ладно?

– А если он меня спросит?

– Он тебя не спросит.

– Ты хочешь, чтобы я лгала папочке?

– Нет, я не хочу, чтобы ты лгала, – сказал Кори раздраженно. – Анна, пристегни ремень.

– Иисус страшный, разве нет?

Они отъехали от тротуара.

– Мапочка?

– Я не знаю, – призналась Кори. – Может быть, да.

Зазвонивший телефон разбудил Роберта в самой середине сна.

Он был единственным живым существом на Земле и бродил по бесконечной пустыне, переступая через мертвые высохшие тела мужчин и женщин, детей и домашних животных. Он старался смотреть не под ноги, а на далекий плоский горизонт, потому что знал, что если посмотрит вниз, то увидит тысячи пустых глазниц, уставившихся на него.

Звонок телефона спас его, вытащив из этого адского мира, и он почти сразу снял трубку, мгновенно проснувшись. Посмотрел на светящийся в темноте циферблат часов и отметил время. Десять сорок. Он спал всего двадцать минут?

– Картер слушает.

– Шеф? – Это был Стю.

– Да. В чем дело?

– Какие-то вандалы разгромили кладбище.

– Ради всего святого, ты разбудил меня из-за этого?

– Я...

– Тебе не обязательно звонить мне всякий раз, когда какой-нибудь пьяный подросток споткнется о могильную плиту...

– Могилы были раскопаны.

Роберт сел и отбросил одеяло.

– Могилы? Несколько?

– Много.

– Я встречусь там с тобой в пять.

Роберт повесил трубку, надел брюки, натянул все еще застегнутую рубашку – он просто стащил ее через голову, когда ложился спать, – и быстро пригладил волосы рукой. Потом

обулся, схватил с комода ключи и бумажник и поспешил на улицу, на ходу пристегивая кобуру. Когда Роберт тронулся, в зеркале заднего вида он видел облако пыли, поднятой покрывками его машины и подсвеченной красными габаритными огнями.

Патрульная машина Стю была уже на кладбище, припаркованная прямо напротив кованых ворот, и Роберт знал из переговоров по радио, что Тед тоже был с ним. Красно-синие мигалки были выключены, но прожекторы на патрульной машине были направлены на кладбище; они освещали все, что располагалось непосредственно за воротами, и создавали странную иллюзию плоского пространства. В лучах мощных галогенных ламп кладбище было похоже на театральную декорацию – из-за слишком резкого контраста света и теней, мешавшего разглядеть и оценить причиненный ущерб через пыльное ветровое стекло.

Роберт остановился рядом с машиной Стю, открыл дверцу и вышел из автомобиля. И выдохнул:

– Боже мой...

Все могилы были раскопаны и осквернены. Ни один участок не остался неповрежденным. Газоны за забором, прежде ровные и ухоженные, теперь представляли собой хаотическое чередование ям и куч вырытой земли. Многие могильные плиты были разбиты или перевернуты, везде были разбросаны открытые гробы и их обломки; кости и разлагающиеся останки лежали на деревянных досках и на камнях, полузасыпанные землей. Одна рука скелета свисала с низких ветвей единственной росшей на кладбище пустынной акации и казалась нелепой имитацией в стерильном свете галогенных ламп.

Роберт включил прожекторы и на своей машине и направил их свет левее, на еще неосвещенный участок. На кладбище не было никакого движения и никаких признаков присутствия Стю или Теда, но, оглядевшись, он заметил силуэты двух полицейских в освещенном дверном проеме дома кладбищенского смотрителя на другой стороне улицы. Повернувшись к кладбищу спиной, ступил на гравий, громко хрустевший под каблуками его ботинок, и подошел к дому. Позади Стю и Теда Роберт разглядел внутри дома Ли Хилмана – кладбищенского смотрителя. Старик выглядел встревоженным, он нервно переминался с ноги на ногу и, не осознавая этого, все время гладил рукой дверной засов.

Роберт дошел до бетонной дорожки. Как нередко бывает с одинокими стариками, Хилман упорно покупал и носил вещи, соответствовавшие последним веяниям моды, и именно поэтому выглядел еще более жалко и нелепо, чем если бы донашивал то, что было модно во времена его молодости. Роберт всегда немного жалел его, потому что старик никогда не казался ему счастливым и приспособленным к жизни человеком, а сейчас эта жалость еще больше усилилась.

– Джентльмены, – Роберт кивнул в знак приветствия, поднимаясь на крыльцо.

– Я не знаю, как это могло произойти! – сказал Хилман. – Господом клянусь! – Его голос звучал выше, чем обычно, старик говорил быстро, и Роберт понял, что он не только встревожен, но и сильно напуган.

– Что произошло?

Стю закрыл блокнот, в который только что что-то записывал.

– Он говорит, что запер ворота в девять, как обычно, и все было хорошо. Он покричал и посветил фонариком, чтобы убедиться в том, что никого случайно не запер на кладбище, а потом отправился домой. Там принял душ, а когда подошел к окну, чтобы задернуть шторы, заметил, что кладбищенские ворота открыты. Старик оделся, перешел улицу и, увидев раскопанные могилы, позвонил в полицейский участок.

– Именно так все и произошло!

– Всего за один час? Все эти могилы были раскопаны всего за один час?

– Господом Богом клянусь, все было нормально, когда я запираю ворота в девять.

– Пойдем и посмотрим, – сказал Роберт.

Стю согласно кивнул.

– Мы ждали вас.

– Вы хотите, чтобы и я пошел? – спросил сторож. – Можно мне остаться здесь?

– Мы бы хотели, чтобы вы пошли с нами, мистер Хилман.

Старик кивнул, не осмеливаясь спорить, закрыл и осмотрел дверь.

Четверо мужчин во главе с Робертом перешли улицу.

– На кладбище есть какое-нибудь освещение? Мы попросим по радио привезти мощные переносные прожекторы, но до того, как они появятся, я бы не хотел посадить наши батареи.

– У нас есть лампы, но не очень сильные. Не такие сильные, как ваши.

– Все равно включите их, а мы будем использовать прожекторы машин по очереди. – Он кивнул Стю. – Выключи свои.

Роберт и Тед стояли у кладбищенских ворот, пока Стю бегал к патрульной машине, а Хилман, опустившись на колени, возился с черным шкафчиком, в котором находились выключатели освещения. Под этим углом высокие кактусы-сагуаро, росшие снаружи ограды кладбища, касались прищельцами-часовыми, стоявшими по стойке смирно.

Галогенные фонари патрульной машины внезапно погасли, и теперь единственным источником света были прожекторы машины Роберта, светившие в сторону от ворот. Теперь мощный белый свет освещал только левую часть кладбища, и от этого его бо́льшая по размеру правая часть казалась еще темнее. В тених скрывались еще более черные тени – странные пятна мрака среди мусора и обломков. Через секунду включились лампы на кладбище. Они в самом деле были слабыми, как и предупреждал Хилман, находились через равные интервалы на заборе и освещали слабым желтым светом лишь отдельные куски территории.

Роберт медленно вошел через кованые железные ворота на кладбище.

Все это – за один час? В такое было трудно поверить, но он не сомневался, что Хилман говорил правду. Кем бы ни был смотритель, но он не был лжецом.

Вот что так пугало.

Роберт внимательно осмотрелся, пораженный тем, как тщательно потрудились осквернители могил. За время, прошедшее с того момента, когда Хилман запер ворота, и до того, как он позвонил в участок, была раскопана почти сотня могил, а останки тел из них выброшены на землю.

Перед ним на куче земли были разбросаны фрагменты детского скелета.

Полуразложившееся тело старика лежало на боку, сложенное пополам.

Роберт продолжал идти вперед, обходя ямы и холмики земли, Тед и Стю следовали за ним. Стю принес из машины ручной фонарь и светил то в одну, то в другую сторону. Самым ужасным было то, что Роберт узнал некоторые из трупов. На холмике из комьев земли он увидел Коннора Питмана. Контуры его молодого лица были еще различимы, несмотря на явные следы разложения, сохранились даже клочья волос – пародия на его прежние длинные светлые локоны. Когда мальчик умер от неожиданного сердечного приступа прямо на школьном стадионе, Роберт приехал вместе со «Скорой помощью» и помог погрузить тело на носилки.

Тогда мертвое тело Коннора показалось ему всего лишь пустым сосудом, из которого упорхнула душа. Но сейчас, глядя на его труп и ставшее страшной маской лицо, лишь напоминавшее того, кто когда-то был живым подростком, Роберт был поражен тем, как мало изменений на самом деле принесла смерть. Он поймал себя на омерзительной мысли, что, возможно, души вообще не существовало, не было этой мистической невидимой сущности человека, покидающей тело в момент смерти. Возможно, то, что делало людей живыми существами, умирало, когда умирало тело, и просто покоилось, использованное и бесполезное, вместе с разлагающимися останками своего биологического хозяина.

Роберт посмотрел в другую сторону и увидел Путтера Филлипса, Лавинию Булфинч и Терри Финана. Самым душераздирающим для него было обнаружить Салли Хикс. Скорее даже

ее голову. Салли умерла от сердечного приступа несколько лет назад, и семья настояла на том, чтобы ее хоронили в открытом гробу. Ему не хотелось это признавать, но тогда, мертвая, она выглядела почти так же хорошо, как живая. Теперь ее голова лежала на боку около агавы: кожа отслоилась полосами, почерневшие губы были приоткрыты, и некогда прелестный рот застыл в вечном насмешливом оскале.

В темноте слышались какие-то негромкие шорохи и постукивания – Роберт не знал, то ли эти звуки производили ящерицы и жуки, то ли легкий ветерок, дувший с севера. Он знал, что ветер был недостаточно сильным, чтобы унести запах смерти, разложения и химикатов, использовавшихся для бальзамирования трупов, – запах, висевший удушливым облаком над кладбищем. Он, Стю и Тед – все они зажали носы руками, но это мало спасало от удушливого смрада. Стю, находившийся слева от него, постоянно сплевывал. Тед закрыл глаза, пытаясь не поддаваться запаху, но вскоре его затошнило, он наклонился, и его вырвало рядом с колючим кактусом-чола.

Роберт сам чувствовал позывы рвоты, но заставил себя сдержаться. Он обернулся в поисках Хилмана и увидел, что смотритель все еще стоит в воротах рядом с одной из ламп. Шериф хотел уже вернуться к старику, когда посмотрел вниз на щепку красного дерева, отколовшуюся от одного из сломанных гробов, и вдруг осознал, что *все* могилы были раскопаны.

Абсолютно все.

Он мгновенно повернул голову налево, и его глаза легко отыскивали знакомое место, несмотря на то, что топография кладбища изменилась. Там, в дальнем углу, рядом с двумя гробами виднелся разбитый скелет, частично прикрытый истлевшей тканью.

Папа и мама.

Роберт сделал шаг в направлении той части кладбища, но остановился. Все еще зажимая пальцами ноздри, сделал глубокий вдох и почувствовал запах смерти. Он не хотел подходить ближе. Он не хотел смотреть. И без этого знакомые и живые образы родителей, которые он с любовью хранил в памяти, стали вытесняться жутким видом двух жестоко вывернутых из могил трупов в темном углу разгромленного кладбища.

Роберта била дрожь. Святая память о родителях, достоинство их смерти, право на неприкосновенность его собственных чувств – все это было нарушено, и его страх сменился гневом и возмущением. Кто бы ни сделал это – он ответит сполна.

Роберт знал, что должен позвонить Ричу и сообщить ему о том, что произошло, но не хотел звонить брату. Он хотел защитить его от всего этого, пощадить его, хотя знал, что это невозможно.

Роберт закрыл глаза. Когда они были еще маленькими – ему десять лет, а Ричу пять, – он нашел однажды утром труп их кокер-спаниеля в канаве перед домом. Роджера, очевидно, сбила машина, и он сумел уползти с дороги в канаву, где и умер той ночью. Бело-чёрная шкура пса была покрыта пятнами засохшей крови, такой красной, что она была похожа на кетчуп, а на дороге осталась полоса крови и грязи – там, где ползла собака.

Роберт тяжело воспринял гибель Роджера. Ему хотелось побежать в дом и сказать маме и папе, чтобы они как-то все уладили, но он знал, что в этот раз уже ничего не исправишь и родители не смогут помочь. И Роберт сидел на краю канавы и плакал, горюя о Роджере, о себе, о родителях и больше всего – о Риче, который любил эту собаку больше всего в мире.

Он похоронил собаку сам, не сказав об этом родителям, не сказав Ричу, предпочитая, чтобы они думали, будто Роджер просто убежал. В то утро он забросал безжизненное, покалеченное тело пса ветками и опавшими листьями, а ночью вернулся к нему снова и поднял тяжелое костлявое тело; запекшаяся кровь липла к его рукам. Роберт отнес собаку в пустыню и упокоил пса под очень высоким кактусом-сагуаро, где заблаговременно выкопал яму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.